

Киева

P1
24-85



Любимецъ нѣжныхъ Музъ! предъ нашею Столицей
Онъ храбрымъ гимны пѣлъ какъ пламенный Тиртей;
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой Цѣвницей!

К. Б.



Рис. И. Иванов Грав. М. Иванов

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ЖУКОВСКАГО.

ЧАСТЬ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

VOGEL

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго дома 1818 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ Августа 21 дня 1817 года.

Цен. Ст. Сов. и Кав. Ив. Тилковскій.

10

Д
м о с к
Т:Г.Шевченка
БІБЛІОТЕКА
ІНВ. №
14400

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Лирическія стихотворенія.

Стран.

Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей (1806) . . . . . 1.

На смерть Фельдмаршала Графа Каменскаго . . . . . 19.

Пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ (1812) 25.

Посланія.

Императору АЛЕКСАНДРУ (1814) . . 57.

Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ (1813) . . . . . 85.

Вождю побѣдителей (1812) . . . . . 92.

Къ Воейкову (1814) . . . . . 100.

Къ Блудову (1809) . . . . . 114.

Къ Вяземскому и Пушкину (1814) . . 122.

Къ Филалету (1808) . . . . . 130.

Къ Нинѣ (1808) . . . . . 138.

Къ Князю Вяземскому (1814) . . . . 146.

Къ Башюшкову (1811) . . . . . 152.

Къ Тургеневу (1813) . . . . . 180.

Старцу Эверсу (1815) . . . . . 190.

ЛИРИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ БАРДА

НАДЪ ГРОБОМЪ

СЛАВЯНЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

ПѢСНЬ БАРДА

НАДЪ ГРОБОМЪ

СЛАВЯНЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

„Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань—враги утихли расточенны!
Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой;
Лишь волкъ, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный;
Зажжемъ костеръ дубовъ; изройше ровъ могильный;
Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ:
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ,
Да камень здѣсь хранитъ могущихъ слѣдъ священной!“
Гремитъ.... раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной....

Стеклись! вождей и ратныхъ сонмъ;
Глухой полнощи тьма кругомъ;
Предъ ними вѣщій Бардъ, вѣнчанный сѣди-
ною,
И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ
на щитахъ;
Объяты думою, съ поникнутой главою;
На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ;
Оперлись на мечи, средь нихъ костеръ пы-
лаетъ,
И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри
воздымаетъ.
И се! воздвигся холмъ, и камень водруженъ;
И дубъ—краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу на дернъ, потокомъ оро-
шенъ;
И се! могущими перстами
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ —
Одушевленны забряцали;
Воспѣлъ — дубравы застенали,
И гулъ помчался по горамъ:
„О сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвъ
священна,
О Бардовъ лира вдохновенна!
Проснись — да оживетъ хвала въ твоихъ
струнахъ!
Да тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
Скипаясь при лунѣ по тучамъ златорунным,

Сойдутъ на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ пепломъ ихъ,
Обвороженныя бряцаньемъ пихоспрун-
нымъ! —
Какъ пали сильные? Какъ сильныхъ громъ
утихъ?
Гдѣ вы, сыны побѣдъ? гдѣ славныхъ воевъ
сила?
Отвѣтствуй, мрачная безтрепетныхъ мо-
гила!....
Какъ орлій со скалы пустившійся птенецъ,
Въ первые возшумѣвъ отважными крилами,
Близь солнца зря трудовъ и поприща ко-
нецъ,
Паритъ, превыспренній, и вдругъ, небесъ
громами
Сожженный посреди стремленья къ высо-
тамъ,
Въ гремящихъ тучахъ исчезаетъ....
Такъ палъ съ побѣдой Россъ! паденье —
страхъ врагамъ!“

„О битвы грозный видъ! смотри! перунъ
сверкаетъ!
Се мчатся! грудь на грудь! дружинъ сомкну-
тыхъ сонмъ!
Средь дымныхъ вихрей бой и громъ!

*

По шлемамъ звукъ мечей, коней пронзен-
ныхъ ржанье,
И трубъ спозвучный трескъ! Отъ топота
копытъ,
Отъ пренія бойцевъ, отъ кликовъ и сте-
нанья
Смятенный воетъ боръ, и долъ гремя дро-
житъ!
О страшный видъ попранныхъ боемъ!
Топъ зыблется въ крови, съ глухимъ кон-
чаясь воемъ;
Топъ, вихремъ мчась, погибъ безстрашныхъ
впереди;
Топъ, шуйцей рану сжавъ, десной изне-
моженной
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди;
Топъ страшно возстенялъ, на копья воз-
хищенной,
И сверженный во прахъ, дымясь, оцѣпе-
нѣлъ....
О мужество Славянъ! о вишязей предѣлъ!"

„Хвала на жертву принесеннымъ
За родшихъ, братій и супругъ!
Хвала отечества хранителямъ священнымъ!
Хвала, хвала тебѣ, о падшій славы другъ!
Пускай безвѣстный погибаетъ
Сей житель праха — червь душой;

Пусть въ дольномъ мракѣ жизнь годами
исчисляетъ....
Безсмертья сынъ, твой рокъ громовой течь
спезей!
Пари, блиспай, превознесенный!
Погибнешь въ высотѣ — весь міръ твой
мавзолей!
Безславный ждетъ, томясь, кончины вялыхъ
дней,
До времени во мглѣ могилы погребенный!
Равны концемъ и часъ и вѣкъ;
Разлука съ жизнью мигъ; заутра, или нынѣ;
Перуномъ ли угасъ; незримый ли прошекъ;
Царемъ или рабомъ судьбинъ!“

„Блаженъ почившій на громахъ
Въ виду отчизны благодарной,
И въ гробѣ сопротивнымъ спрахъ,
И въ гробѣ озаренъ денницей лучезарной!
Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ....
О юноша, о ты, безсмертью пріобщенный!
Коль быспро совершенъ твой выспрен-
ній полетъ!
Се онъ, низринутый на щитъ окровавлен-
ный,
Поникъ геройскою главой;
Надъ нимъ кончины часъ; ужь взоръ недви-
жный тмится....

Но къ кровнымъ, но къ друзьямъ, но къ
родинѣ святой,
Еще съ лучемъ любви, еще съ тоской стре-
мится!
Не сѣтуй, славы сынъ; оставь сей жизни
брегъ;
Ты смерть предупредилъ, на одръ честей
возлегъ;
Ты спутникъ въ гробъ неустрашимыхъ!
Увы! завидналь часть веригой лѣтъ томи-
мыхъ?

Герой, одряхшій подъ вѣнкомъ,
Приникшій къ костылю израненнымъ че-
ломъ,
Могущихъ переживъ, оставленный друзьями,
Отвсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,
Усталый ждетъ конца — и смерть ему
покой;
Блаженъ, коль славный путь со славой до-
вершаетъ;
Когда вѣнки и честь берешъ во прахъ съ
собой,
И въ лаврахъ посѣдѣвъ, на лаврахъ угасаетъ!
Здѣсь, братья, вѣчно мирны вы!
Почійте сладко, незабвенны!
О вы — ловца пожравъ въ сѣтяхъ погибши
львы!

О спутники побѣдъ, коварствомъ низло-
женны!
Безстрашныхъ персть — попомсшву
даръ!
О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ вѣ-
ками:
Онъ сильнымъ возвѣститъ, какъ пали вы
съ громами;
Онъ въ чадахъ вашихъ чадъ родитъ ко
славѣ жаръ.“

„Здѣсь Бардъ грядущихъ лѣтъ, объятъ глу-
бокой думой,
Въ тотъ часъ — какъ всюду мракъ полу-
нощи угрюмой,
Когда безмолвенъ долъ, и мѣсяцъ изъ-зашучь
Повременно свой ликъ задумчивый являетъ,
И серна, прискакавъ на шумный въ кам-
няхъ ключь,
Недвижно, робкая, журчанью струй вни-
маетъ —
Къ протекшимъ воспаритъ вѣкамъ,
Пробудитъ звономъ струнъ насупленну ду-
браву,
И мыслію спремясь великихъ по слѣдамъ,
Изъ персти воззоветъ давно-почившихъ
славу!
Здѣсь въ сумракѣ возсѣвъ,

Пришедъ изъ края дальна,
Краса Славянскихъ дѣвъ,
Задумчива, печальна,
Тоску прольетъ въ слезахъ,
И грудью воспаленной
Припавъ на хладный прахъ,
Могилы миръ священной
Рыданьемъ возмутитъ.
Увы! здѣсь въ сонмѣ падшихъ
Герой прелестный спитъ;
Здѣсь радостей увядшихъ
Ея послѣдній слѣдъ.
Воскреснутъ вспоминанья
О благахъ прежнихъ лѣтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви святой;
Воскреснетъ часъ разлуки,
Когда, летящій въ бой,
Пріемля громы въ руки,
Другъ сердца, сильнымъ страхъ,
Красою образъ Дида,
Съ унынiемъ въ очахъ,
Съ блистаньемъ Свѣтовида,
Сказалъ: прости на вѣкъ!
Шеломъ надвинулъ бранной,
Вздохнулъ, какъ вихрь потекъ,
И съ сонмомъ ратныхъ силъ исчезъ въ дали
туманной.

Сюда придетъ отчизны сынъ,
Героевъ племя, Славянинъ,
Дѣлами предковъ распаленный;
Обыметъ падшихъ гробъ, и вонметъ гласъ
священный,
Къ нему изъ глубины рекущій: будь великъ!
Предстанутъ предъ него протекшихъ ра-
шей бои,
И въ молнійныхъ браздахъ вождей побѣды
ликъ!...
Почійте! мирный сонъ, о братья, о герои!"...

Умолкъ.....и струнъ исчезъ въ пустынномъ
небѣ звонъ;
И отзывъ по горамъ, и дебри усыпились;
Сонмъ бранныхъ скорбью осѣненъ:
Ихъ взоры на курганъ недвижные вперились;
Безгласны, въ грозной тишинѣ;
На лицахъ мщенья жаръ — ихъ груди гнѣвъ
спираетъ,
И ярости нѣмой въ зѣницахъ огнь пылаетъ.
Молчатъ — окресшъ покой — надъ ними
въ вышинѣ
Изъ тучь, влекущихся грядою,
Бросая тихій блескъ на дебрь, и долъ, и лѣсъ,
Луна невидимой стезею
Среди полунощныхъ небесъ
Свершаетъ, мирная, свой токъ уединенный

Но се! таинственнымъ видѣніемъ во мглѣ
Пѣвецъ воспрянулъ пораженный!
Сѣдины дыбомъ на челѣ;
Смятеніе въ очахъ, во членахъ трепетанье;
Какъ вихорь на курганъ онъ съ лирой воз-
летѣлъ....
Волшебной раздалось бряцанье....
И снова мощный гласъ пророка возгремѣлъ:

„Не выль, низверженныхъ полунощные
лики;
Не вы ли, призраки могущихъ, предо мной?
Они! средь бурныхъ тучь! сплелись рука съ
рукой!
О страшный сонмъ! о страшны клики!
Куда ихъ строгій взоръ столь грозно устре-
мленъ?
Надъ кѣмъ воздушный мечь вождя ихъ воз-
несенъ?
Надъ кѣмъ гремятъ цѣпями?
Внимай! внимай! горѣ пѣснь гибели поютъ!
Отмщенья! крови! вопіютъ,
Сверкая изъ-за тучь ужасными очами.
Отмщенья, випязи! отмщенья! громъ во
длань!
Воздвигнись, духъ Славянъ! воздвигнись,
месть и брань!
Се ярый исполинъ, побѣдами надменный!

Посшигну! поражу! разсыплю ихъ полки!
Имъ рабсшво — даръ моей руки! —
Гремишъ, на гибель ополченный!“

„Друзья! се часъ побѣдъ! Славяне, возгремимъ!
Просприпе взоръ окрестъ: лишь дебри запустѣлы!
Гдѣ пышный видъ полей? гдѣ радосшныя селы?
И гдѣ Тевшоновъ мощь, низринувшая Римъ?
Тамъ матерь гладная изсякшими сосцами,
Проспершая на прахъ, въ младенца кровь ліетъ;
Тамъ къ пеплу хижины приникшій сѣдинами,
Недугомъ изнуренъ, кончины старецъ ждешъ;
Тамъ чада нищеты — убійство и хищенье;
Тамъ рабсшва первенецъ неисшовый развращъ;
О ясный миръ семей! о нравовъ осквернень!
О доблесшь прежнихъ лѣтъ! лишь цѣпи шамъ звучашъ;
Лишь хищниковъ бичи подъяшы надъ рабами;
Сокрылись Германа послѣдніе сыны!
Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами!

Въ пустыняхъ, очеса къ землѣ преклонены,
Надъ прахомъ падшаго отечества рыда-
ютъ!“
„О братья! о сыны возвышенныхъ Сла-
вянъ!
Воспрянемъ! вамъ перунъ для мщенья свы-
ше данъ!
Отмщенья! подъ ярмомъ народы воскли-
цаютъ,
Да въ прахъ, да въ прахъ падутъ погибели
творцы!...
Воззрите вспять....тамъ сонмъ свя-
щенный,
Тамъ счастья нашихъ дней залоги драго-
цѣнны,
Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы,
Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданьѣ.
О витязи, за вами въ слѣдъ
Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ
желанье:
Да боги ихъ души съ трофеями побѣдъ
По браняхъ притекутъ, отмстивъ, непо-
срамленны!
За вами ихъ мольбы летятъ воспламе-
ненны!
Вонмите и супругъ, и чадъ, и юныхъ дѣвъ,
Вонмите, воины, моленье;
Воззрите на отцевъ колѣнопреклоненье:

Во славѣ, посреди могущихъ посѣдѣвъ,
Подъемлютъ къ небесамъ трепещущія длани,
И моляшъ: Царь судебъ! за нихъ, за нихъ
во брани!
— О сколь возвышенны спасающіе насъ!
(Въ восторгѣ сердца восклицаютъ
Возлюбленны, узрѣвъ на бой текущихъ васъ)
Какія молніи во взорѣ ихъ блистаютъ!
Коль грозенъ ополченныхъ сонмъ!
О сколь плѣнительны, неся во длaняхъ
громъ!
Оniль не полетятъ на крыльяхъ мести къ
бою —
Онiль, оставивши всѣ блага за собою?
О незабвенные, о слава нашихъ дней,
Грядите — благодать самихъ Небесъ надъ
вами!
Враги да будутъ снѣдь мечей!
Да вскорѣ бранными вѣнками
Священныя главы отмстившихъ обовьемъ!
О часъ блаженнѣйшій свиданья!
Летятъ — въ крови, въ пыли, тѣсняпся
въ отчій домъ!
Благословенья! лобызанья!
Восторгъ души, лишенной словъ!
Супруги, въ Божій храмъ! вспрѣчайте же-
ниховъ

Въ одеждѣ брачной, обрученны!
Да льется слезъ бальзамъ на раны ихъ свя-
щенны!
Опремъ съ ланитъ геройскихъ прахъ!
Да видомъ не страшатъ, ни грозными бро-
нями
Отцы, на колыбель склоненны надъ сынами!
А вы, недвижные предъ нами на щитахъ,
Безгласные среди молитвъ и ликованій,
О падшіе друзья, о прахъ полубоговъ,
Примите скорбный даръ и стоновъ и лоб-
заній
Отъ женъ рыдающихъ, отъ родшихъ и сы-
новъ! —
Могущественный гласъ! мыль хладны предъ
тобою?
Копье во длань! воздвигни щитъ!
Впередъ! на огнь и мечь громовою стѣною!
Ужь горній нашъ орелъ перунами гремитъ;
Ужь гордо распросперъ крилѣ передъ пол-
ками!
Внимайте....сопостатъ съ погибелью пе-
четъ!
Земля трясется подъ конями!
Попру стопою! вопіетъ.
Ударимъ! упредимъ! не Россу посрамленье!
Кто смерти предпочесть дерзнетъ пора-
бощенье?

Кто согражданъ и стыдъ и плѣнъ?
Отъ родины святой бѣглецъ отриновенъ!
Страшись онъ отческія сѣни!
Ему ли осязать родителя колѣни?
Ему ли старца грудь израненну лобзать?
Онъ врагъ своихъ друзей; онъ низкій жизни тать!“

„Нѣтъ! нѣтъ! всей мощью пораженье
Низринемъ, Россы, на враговъ!
Не намъ, не намъ стенать подъ бременемъ оковъ!
Не намъ предать и женъ и чадъ на развращенье!
Отчизнѣ нашей быть добычей ихъ когтей?
Иль диво намъ карать надменныхъ?
О Россъ, о ужасъ дерзновенныхъ!
Пусть смѣютъ испытать: гдѣ мощь руки твоей!
Уснулиль полчища орлины,
Которыхъ громъ возжегъ Эвксинскія пучины,
И Скандинавскаго на прахъ повергнулъ льва!
Явись, сразившая Сарматовъ булава!“ — —
Умолкъ.... и сонмы всколебались!...
Щитами грянули.... чрезъ холмъ, сквозь дебрь и лѣсъ,
Воспламененные помчались! ....
И праха черный вихрь вознесся до небесъ!

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА

ГРАФА

КАМЕНСКАГО.

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО.

Еще великій прахъ!....неизбѣжимый Рокъ,
Твоя, твоя рука себя намъ здѣсь явила!
О сколь разительный смиренія урокъ
Сія Каменскаго могила!

Не тыль, грядущее предъ нимъ окинувъ мглой,
Открылъ его очамъ стезю побѣдъ и чести?
Не тыль его хранилъ невидимой рукой,
Разящаго перуномъ мести?

Предъ нимъ, за нимъ, окрестъ зіяла смерть и брань;
Сомкнутые мечи на грудь его стремились—
Вотще! твоя надъ нимъ горѣ носилась длань...
Мечи хранимаго страшились!

И мнилъ мы, что онъ послѣдній встрѣтитъ часъ,
Простертый на щитѣ, въ виду побѣдныхъ строевъ,
И угасающій съ улыбкой вонметъ гласъ
Объ немъ рыдающихъ героевъ!

Слѣпцы!...сей славы блескъ лишь бездну украшалъ;
Сей битвы страшный видъ и ратей низложенья
Лишь гибели мечту очамъ его являлъ
И славной смерти привидѣнье!...

Кудажъ твой тайный путь Каменскаго привелъ?
Куда, могущихъ вождь, тобой руководимый,
Онъ быстро посреди побѣдныхъ кликовъ шелъ?...
Увы!....предѣлъ неотразимый!

Въ сей таинственный лѣсъ, гдѣ стражъ твой обиталъ,
Гдѣ рыскалъ въ тишинѣ убійца сокровенный,
Гдѣ, избранный тобой, добычи грозно ждалъ
Топоръ разбойника презрѣнный.

О ты, мечтающій вращать земли судьбой,
На счастья высотѣ страшись, непобѣдимый!
Пусть сонмы грозныхъ силъ ничто передъ тобой —
Страшись!... не дремлетъ врагъ незримый!

ПѢВЕЦЪ

ВОСТАНѢ

РУСКИХЪ ВОИНОВЪ.

Писано послѣ отдачи Москвы,

предъ сраженіемъ при Тарутинѣ.

ПѢВЕЦЪ

ВО СТАНѢ

РУСКИХЪ ВОИНОВЪ.

ПѢВЕЦЪ.

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья! здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя!
О всемогущее вино,
Веселіе Героя!

ВОИНЫ.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя;
О всемогущее вино,
Веселіе Героя!

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могущихъ нѣтъ!
Ужь нѣтъ вождей побѣды!
Ихъ домы вихорь размешалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ!
Ихъ поприще предъ нами....
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами

Смотрите! въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ вашими шатрами!...
О Святославъ, бичь древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной!
„Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!“
Гремитъ передъ дружиной!
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ Соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рашь иноплеменныхъ.

И шы, нашъ ПЕТРЪ, въ толпѣ вождей!
Внимайше кличь: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей,
И міръ взываешъ: слава!
Давноль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ — костей громады!
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ!
Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ!

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей вишязь полуночи?
Друзья! на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Возникли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ....
О горе! горе, сопостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый!
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣешь, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами!
Наполни кубокъ! мечь во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мстишель!
За гибель — гибель! брань — за брань!
И казнь тебѣ, губишель!

ВОИНЫ.

Наполни кубокъ! мечь во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель — гибель! брань — за брань!
И казнь тебѣ, губитель!

ПѢВЕЦЪ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,

Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнишъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ все — тамъ родныхъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О иасъ ихъ слезы предъ Творцомъ!
Мы жизни ихъ ограда!
Тамъ дѣвы — прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И Царскій тронъ, и прахъ Царей,
И предковъ прахъ священный!
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

ВОИНЫ.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ сей кубокъ, Руской ЦАРЬ!
Цвѣти Твоя держава!

Священный тронъ Твой намъ алтарь!
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О ЦАРЬ! здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый ратникъ Славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
И чуждъ имъ малодушный!

ВОИНЫ.

Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О ЦАРЬ, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью!

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести
И жизнь и смерть — все пополамъ!
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство
И смѣлость — бранныхъ красота,
И твердость, и покорство!
Друзья! мы чужды низкихъ узъ!
Къ вѣнцамъ стезею правой!

Опасность — твердый нашъ союзъ!
Одной пылаемъ славой!

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель сопостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата!
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ среду шумящей брани;
Ему веселье битвы гласъ;
Спокоенъ подъ громами;
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами!

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный рашникъ, вихрь и дождь
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ;
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины....
Могущій вождь главу склонилъ!
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы шверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ Опышъ, сынъ шруда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ....
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье!
Тамъ сплѣны!....въ Россахъ вся она!
Мы здѣсь — и Богъ нашъ Мщенье!

Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны!
Раевскій — слава нашихъ дней!
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами!
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ Бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью!

Нашъ Вittгенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!...онъ щитъ странѣ родной,

Онъ хищныхъ изпребитель!
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ....движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ!

Хвала тебѣ, Славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!...
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя....
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ....однимъ врагамъ
Готовитъ изпребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье!

Хвала, намъ вихорь-Атаманъ
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопостатовъ.
Орломъ шумитъ по облакамъ,

По полю волкомъ рыщетъ,
Летаетъ Страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищетъ;
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ-Беннигсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змій орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный;
И Докторовъ-гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать Славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ

За ратный строй друзьями!
Смотрите....язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный!

Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
„Друзья, бѣдамъ презрѣнье!“
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И оживясь до полы мечь
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣшижь, о витязь нашъ! воспрянь!
Ужь Ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья!

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О ратѣ незабвенной!
О витязь, ободрись!...она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби оживишь

Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы!

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый!
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы!
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый!...
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте изтребленье!
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетныхъ вождямъ!
На коняхъ окриленныхъ
По долам ъ скачутъ, по горамъ
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ!
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Опъ спрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ;
Невидимы и зримы;
Сломили здѣсь; сражаютъ тамъ;
И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи!
Какъ шѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи....
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ —
А онъ ужь вишязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ — гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками:
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечь и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ!
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы!
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
На мечь и громъ дружину;
Орловъ отважностью орелъ!
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

ВОИНЫ.

Вожди Славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
Уже не придутъ въ сонмъ друзей;
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужь для врага ихъ грозный ликъ
Не будешъ вѣстникъ мщенья;
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ праздень мечь; безмолвенъ щитъ;
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могущихъ конь стоитъ
Близь тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ — главу на щитъ склонилъ,
И списнулъ мечь во длани!
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.

И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
Герой нашъ незабвенной!

А ты, Купайсовъ, вождь младой!...
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость!
Въ бронѣ ли грозный выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны....
О горе! вѣрный конь бѣжитъ,
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ....
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой....
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;

И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты....и ты, Багратіонъ!...
Вотще друзей молитвы!
Вотще ихъ плачь!...во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы!...
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ!
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы, намъ! скоро грянетъ!“
А онъ?...на вѣки взоръ смежилъ
Рѣшитель бранныхъ споровъ!
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ!

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни!
Тамъ ваша вѣрная семья —
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!“
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ решивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ нашъ знамя.

ВОИНЫ.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ репивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Онѣ бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья,
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ!
Тамъ стрѣлы и кольчуги!
Мы села въ пепелъ! грады въ прахъ!
Въ мечи — серпы и плуги!

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины.
„Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду....и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ Царемъ!“...
Пришекъ....и самъ трепещетъ;

Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими спѣнами!

Ведижь своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада....
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы рашны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности иль мщенье?
Пришлецъ!...мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

ВОИНЫ.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности иль мщенье?
Пришлецъ!....мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

ПѢВЕЦЪ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни друга!

Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье!
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ;
И жизнь и пасть друзьями!

ВОИНЫ.

О будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ;
И жизнь и пасть друзьями!

ПѢВЕЦЪ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья! святой пищайте жаръ:
Любовь одно со славой!
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Топъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
Нѣтъ страха! нѣтъ преграды!
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто *все* для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный!
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья,
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Ошвѣдай, врагъ, испоргшупь щитъ,
Рукою данный милой!
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой Ангелъ, дѣва красоты
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
„Увы не палъ ли въ битвѣ?“
И мыслитъ: „скороль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнишь тоску разлуки!“

Друзья! блаженнѣйшая часть
Любезныхъ быть спасеньемъ,

Когдажь предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть —
Погибнемъ съ наслажденьемъ!
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки;
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой!
О други, смерть не все возьметъ!
Есть жизнь и за могилой!

ВОИНЫ.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой!
О други, смерть не все возьметъ!
Есть жизнь и за могилой!

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чистымъ Музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры — спаръ и младъ
Одѣлись въ бранны латы:
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы сотрудники вождямъ;

Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О радость древнихъ лѣтъ-Боянъ!
Ты, арфой ополченный,
Леталъ предъ строями Славянъ
И гимнъ гремѣлъ священный.
ПЕТРУ возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ-податель славы.
Честь Задунайскому Петровъ.
О Камскія дубравы,
Гордитесь! вашъ Державинъ сынъ!
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ —
Державинъ грянетъ въ струны!

О старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый:
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Просперли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками —
Ихъ подвигъ свящъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;

Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ спасенье!

Такъ, братья, чадамъ Музъ хвала!...
Но я, пѣвецъ вашъ юный....
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира....
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все...я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны!

Но будуль ваши пѣшь дѣла
И хищныхъ истребленье?
Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ паденье!
Но что жь....на вѣкиль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ!
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ Месть кровава —
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

*

ВОИНЫ.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ спрунамъ
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ!

ПѢВЕЦЪ.

Подымемъ чашу!...Богу силъ!
О брашья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена!
Безсильнымъ щитъ Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда Союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ Изтребитель!
О братья! взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Оттоль Отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ!
Нашъ путь — къ нему стремленье!
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ трепещ щей ногой
Влачится надъ могилой;

Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаешъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаешъ.

А мы?...довѣренность къ Творцу!
Чтобы ни было — Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно въ слѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ — простота;
Нежадность — въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ ровнымъ — правота;
Въ могуществѣ — смиренье!

Обѣтамъ — вѣчность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что въ мірѣ есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утѣха — скорби; просьбѣ — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань,
Безсильному — презрѣнье;
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
Заслугѣ — воздаянье;

Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
При гробѣ — упованье!

О! будь же, Русской Богъ, намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу —
И мстящель-громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу!
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
Растаешь врагъ предъ нами!...
О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речешь пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ!
„И мнилъ: земли имъ мало!
„И взоръ ихъ гибелью горѣлъ!
„Прошекъ — враговъ не стало!“

ВОИНЫ.

Речетъ пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ!
„И мнилъ: земли имъ мало!
„И взоръ ихъ гибелью горѣлъ!
„Прошекъ — враговъ не стало!“

ПѢВЕЦЪ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужь утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,

И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О други! скоро!...день грядетъ....
Недвижны раши бурны....
Но....Рокъ ужь жребіи беретъ
Изъ таинственной урны!

О новый день! когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межь нашими рядами!....
И се блеснулъ!...Чу!...вѣсповой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь летитъ передъ ряды;
И пышетъ рапникъ боемъ!

Друзья! Прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
За смертью иль за славой!...
О вы! которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами!
Вамъ! вамъ всѣ блага на земли!
Щитъ Промысла надъ вами!...

Всевышній Царь, благослови!
А вы, дурзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви!
Тамъ сладкаго свиданья!

ВОИНЫ.

Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви;
Тамъ сладкаго свиданья!

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

ПОСЛАНІЯ.

Казалось, къ пламенной въ рукѣ Твоей державѣ
Тогда весь Твой народъ сердцами полетѣлъ;
Казалось, въ ней обѣтъ души Твоей горѣлъ,
Съ которымъ Ты за насъ передъ алтарь явился —
О ЦАРЬ! благодаримъ! обѣтъ сей совершился!...

И Призванный Тобой Тебѣ не измѣнилъ
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтозарную печать благотворенья!
Низпосылаемый Имъ Ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена —
И, обновленныя, пышнѣе разцвѣтаютъ!
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ!
Давноль одряхшій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ, въ прорицающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обвѣтшалы;
Къ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сонъ считали за покой;
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,

Лишь къ наслажденіямъ одной минуты
жадны,
Подъ наклонившихся престоловъ Царскихъ
шѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій
сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами ...
И первый Лилій пронъ у Галловъ надъ гла-
вами
Вспылалъ, разверзнувшись какъ гибельный
волканъ!
Съ его дымящихся развалинъ, великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки
длани,
И взорами на міръ ужасно засверкалъ —
И предъ страшилищемъ весь міръ затрепе-
талъ!
Сказавъ: нѣтъ Промысла! гигантскою сто-
пою
Шагнулъ съ престола онъ, и слѣдомъ за
звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ!
И Промыслъ, утаясь, послалъ къ нему Свой
Страхъ!
Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ
рядомъ!
И раздробляющій полки и грады взглядомъ,

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ Тебѣ зовутъ:
Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ
вплести вѣнецъ,
Который для Тебя вселенная сплетаетъ?....
О Русскій ЦАРЬ, прости! невольно увлекаетъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Сшеклися въ даръ принесть Тебѣ народы
міра —
И, радости полна, сама играетъ лира!

Кто славныхъ дѣлъ Твоихъ постигнетъ красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
До коей Ты достигъ по тернамъ испытанья!...
Когда, исполненны любви и упованья,
Мы шумною толпой тотъ окружали храмъ,
Гдѣ, вѣрнымъ быть Царемъ клянясь Творцу
и намъ,

Ты клалъ на страшный крестъ державную
десницу,
И юны рамена склонялъ подъ багряницу —
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль Твоя
была?
Скажи, когда вѣнецъ рука Твоя брала,
Что мыслилъ Ты, вблизи послышавъ клики
славы,
А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Низпровергала, врагъ земныхъ народовъ,
Брань,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?
Ужель при слухѣ семъ душой не возмутился?
Нѣтъ! выше бурь земныхъ Ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ,
И въ сердцѣ Промысла судьбу Свою читалъ!
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ Себѣ весь Свой народъ Ты въ руку Про-
видѣнья,
Съ спокойной на Него надеждой, положилъ—
И Соприсутственный Тебя благословилъ!
Когдажь священный храмъ при громахъ
растворился —
О сколь плѣнительнъ Ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ
лицемъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцемъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!

Огромною рукой шу бездну покрывалъ,
Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ!
Непобѣдимостш мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: „мой престолъ престоломъ будь вселенны!
Порфиры всѣхъ Царей земныхъ я раздеру!
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу!
Народовъ бѣдствія ступени мнѣ ко счастью!
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью,
И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй Сіпрахъ!
Исчезни все опять, когда я буду прахъ,
Чшо изъ развалинъ брань и власть сооружила —
Безсмертною моя останется могила!“
И къ человѣчеспву презреньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабспва плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани —
И стала Галлія сокровищницей брани!
Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило!
Орашай, на брозды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;

Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;
И мздой свою поспѣль Спраданье выкупало!
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ
людей:
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
Являлись, чтобы намъ оставить скорби
слѣдъ —
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!
Всѣ поколѣнія, для жатвы бранной зрѣя,
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой,
И бросилось на брань съ отважной слѣпо-
той!....
И въ слѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать
летѣла!
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И, хитростью подрыта, измѣной потрясёна,
Добитый громами, за тропомъ падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою.
Отъ Рейнскихъ твердынь до Немана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
Одна ужасная простерлася могила!
Всѣ смолкло!....Мрачная, съ кровавымъ воз-
ромъ, Сила

На грудѣ падшихъ царствъ возсѣла, стражъ
Царей!
Предъ симъ страшилищемъ и доблесть пре-
жнихъ дней,
И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья
славы,
И непорочные семей смиренныхъ нравы,
Погибло все — окрестъ одинъ лишь стукъ
оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
Да рѣдкій изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свобо-
ды!
Унылость на сердца народовъ налегла —
Лишь Вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,
Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ
лобзала,
И взоры на востокъ съ надеждой обраща-
ла!...
И грозно возблисталъ спасенья страшный
годъ!
За сей могилою народовъ, цвѣлъ народъ —
О ЦАРЬ нашъ! Твой народъ! — могущій и
смиренный,
Не крѣпостью швердынь громовыхъ ограж-
денный,
Но вѣрностью къ ЦАРЮ и въ славѣ тишини-
ной.

*

Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы....
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крилы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ....
И злобой на него губитель закипѣлъ!
Въ несмѣшну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ,
И на поляхъ, стопой врага неосквернен-ныхъ,
Ужь въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной....
О Провидѣніе! Твоя Россія встала,
Твой Ангелъ полетелъ, и брань Твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,
Когда, въ молчаніи народномъ, ЦАРСКІЙ гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О гласъ ЦАРЯ! о честь народа! пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ!

Все бранью вспыхнуло! все кинулось къ
мечамъ!
И грозно въ бой пошла съ Насиліемъ Свобода!
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И тихій гробъ отцовъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣ-
тущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ гря-
дущихъ!
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары,
Месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой,
то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;
Кругомъ пустынь полки, и грозныя твер-
дыни,
Вездѣ ревущія погибельной грозой —
И Старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой
Судьбой!....
Холмы Бородина, дымитесь жертвой сла-
вы!...
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
Грядетъ, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ тво-
имъ спѣнамъ!
О радость!....онъ вступилъ! зажгись, ко-
стеръ свободы!

Пылаетъ!...цѣпи въ прахъ! воскресните, народы!
Вашъ стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась, погребла,
И въ пеплѣ Мщенія Свобода ожила!
И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный, Кара
Пошла по трепетнымъ губителя полкамъ,
И ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ зна-менамъ,
Надъ ними жалобно завыла: горе! горе!
И Гладъ, при кликѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на рапныхъ и вождей...
Тогда помчались вспять! и грудами костей,
И брошенными въ прахъ потухшими громами
Означили свой слѣдъ предъ Русскими полками!
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства ихъ сковалъ!...
Сколь намъ величественъ Ты, ЦАРЬ, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу,
И старца на Свою ведущій колесницу,

Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ въ слѣдъ врагамъ.
О незабвенный часъ! за Нѣманъ знаменамъ
Ужь отверзаешь пупь властительной рукою!
Когда же двинулись дружины предъ Тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемыхъ парящими орлами....
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ, нашъ ЦАРЬ, тогда въ душѣ Своей?
Передъ Тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, расперзанный, еще взывать не смѣя;
И Человѣчество, изъ-подъ стопы злодѣя
Къ Тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія Царей, Потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
„Дерзай! и нареку Тебя: Благословенный!“
И въ грозный между тѣмъ полки слiянны строй,
На все готовые, съ покорной тишиной,
На Твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья!
А Ты?...Ты опъ Небесъ молилъ благословенья!...
И Ангелъ ихъ, гремя, на щитъ Твой низлетѣлъ,

И гибелью врагамъ Твой щитъ запламенѣлъ,
И руку Ты простеръ.... и двинулися рати! —
Какъ къ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтѣнье Тебѣ народы потекли,
И вайями Твой путь смиренный облекли.
Привѣтственной толпой подвиглись веси,
грады;
Къ Тебѣ желанія, къ Тебѣ сердца и взгляды!
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго Тебя впереди Твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій воинъ рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:
„Свободенъ, мнитъ, сойду въ свободный
гробъ отцовъ!“
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ
сыновъ.
И Ты средь плесковъ сихъ — не гордый по-
бѣдитель,
Но воли Промысла смиренный совершитель —
Шелъ тихій, благостью великость украшалъ,
Блескъ утѣшительный окрестъ Тебя сіялъ,
И ликъ Твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ
Надежды!
И вождь нашъ, смертію отягощенны вѣжды
Подъялъ съ усиліемъ, чтобы на славный
путь,

Въ которой Ты вступалъ, уже не съ нимъ,
взглянушь,
И угасая дать ЦАРЮ благословенье!
Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ послѣдній часъ, онъ рашь Тебѣ
вручалъ,
И ослабѣвшею рукою прижималъ
Къ нѣмѣющей груди ЦАРЯ и друга руку —
О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти
муку!
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго
открытъ:
Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь — увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ пра-
вды палъ! —
Нашъ ЦАРЬ, узнавъ Тебя, на смерть онъ
не роптalъ;
Ты руку падшему, какъ братъ, просперъ
средь боя,
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя —
Смягчившаго слезой его съ концемъ борьбу —
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу!...
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоегла-
вый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей
славы —

Какъ всколебалися Тевтоновъ племена!
Къ нимъ Германъ съ Норда несъ свободы знамена —
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы.
Въ одну сліялись грудь воскресшіе народы,
И всѣхъ Царей рука, нашъ ЦАРЬ, въ рукѣ Твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней!
О славный Кульмскій бой! о доблесть Славянина!
Вопще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вопще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ; —
Все опрокинуто! — и Русской устоялъ!...
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужь приближаются къ святилищу Судьбины;
Ужь видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ которой вёлъ
Ихъ Неиспытанный по темной безднѣ золъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
И тяжкой опыта ихъ бременя рукою.
Се мѣсто, гдѣ Себя во правдѣ Онъ явитъ;
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшитъ:

Не быть, иль быть Царямъ; возстать иль пасть вселенной....
И все въ собраніи!...О часъ, вѣкамъ священной!...
Народы всѣхъ племенъ, и всѣхъ племенъ Цари,
Подъ сѣнію знамёнъ святые олтари,
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
И громы впереди съ подъятыми крылами;
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щитъ склонёнъ,
Союза мстителей младый Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
Надъ свѣтозарною вождя Царей главою....
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ!...
И тихо мгла еще на небѣ томъ лежитъ,
Дондеже съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вседержитель!...
И загорѣлся день!...Богъ грянулъ!...палъ губитель!
Бѣгутъ — во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечь, и щитъ!
Впереди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ Страхъ бѣжитъ,
И жадною рукой Погибель ихъ хватаетъ!
И небо тихое торжественно сіяетъ

*

Надъ преклоненною отмстителей главой!
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
И Реинъ восплескалъ, послышавъ ликованья.
О старецъ водъ! о ты, съ минуты мироз-
данья
Незрѣвшій на брегу еще лица Славянъ—
Ликуй! и отражай въ волнахъ Славянскій
станъ!
И погрузился крестъ при громахъ въ дре-
вни воды!
И Реинъ, обновленъ, потекъ въ брегахъ
свободы,
И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ.
И быстро ворвались полки въ тотъ стра-
шный логъ,
Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковалъ имъ
цѣпи плѣна!
Вотще, вотще воздвигъ онъ черныя зна-
мена —
Лишь гибели молву онъ съ ними водрузилъ!
Громъ Русскій берега Секваны огласилъ —
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и
мщенья!..
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ.
О Русская земля! спасителемъ грядетъ
Твой ЦАРЬ къ низринувшимъ Царей твo-
ихъ столицу!

Онъ распросперъ на нихъ пощады багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ
громовъ,
По стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
Идутъ — и тишина во слѣдъ имъ приле-
таетъ!
Хвала! хвала, нашъ ЦАРЬ! стыдливо от-
клоняетъ
Рука Твоя побѣдъ торжественной вѣнецъ!
Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ при-
миритель.
О незабвенный день! смотрите — побѣди-
тель,
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ
томъ,
Гдѣ Царскій мученикъ подъ остріемъ сѣки-
ры,
Въ виду разорванной отцевъ своихъ пор-
фиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ:
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную Свободу возводило,
И Бога поразить своей хулою мнило. —
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный
вождь Царей
Предъ миротворною святыней олтарей

Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена
мщенья,
И жертву небесамъ приноситъ очищенья.
Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ сле-
зы льютъ;
И се!...подъемлется спасенія сосудъ!
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ
даётъ!...
Свершилось!....освященъ испытанный на-
родъ,
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
Спасительный корабль, несущій кровь Бур-
бона.
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцевъ гря-
детъ,
И старцу братскую десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и
мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступленія минувшихъ страшныхъ
лѣтъ!...
Свершилосъ!...Русскій ЦАРЬ; отечество и
свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ неизреченнымъ,
И дали свой отвѣтъ потомки современ-
нымъ!...

Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ Тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, Ты въ пушь летишь желанной —
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ Ты скорбѣлъ —
И Ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе Твои промчались громы.
Ужь всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый:
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ селъ.... вездѣ, вездѣ свобода,
Вездѣ обиліе, надежда и покой!...
И все сіе, нашъ ЦАРЬ! дано землѣ Тобой!
Но чтожъ Ты ощутилъ, когда Твой взоръ веселый
Завидѣлъ въ далекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху Твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда святаго Петрограда
Вдали передъ Тобой возникнула громада;

Когда предъ Матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступи-
пилъ,
Гдѣ освященный мечь пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ Твой, герой спасенья
спитъ?...
Россія! Онъ грядетъ! уже олтарь горитъ!
Уже Его принять отверзлись двери храма!
Ужь благодарное куренье ѳиміама
Съ сердцами за Него взлетѣло къ небесамъ!
И се!...Приникнувшій къ престола ступе-
нямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ
славу!...
О Вѣчный! осѣни смиреннаго державу!
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена!...

Отважною вступить дерзаю, ЦАРЬ, мечтою
Въ чертогъ священный Твой, гдѣ Ты одинъ
съ Собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ
покой
Надъ скромныхъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ Цари и Провидѣнье.

О ЦАРЬ! въ сей важный часъ — когда Нева
въ теченьѣ
Объемлетъ предъ Тобой тотъ усыпленный
храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ
оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ ПЕТРЪ, Царей зем-
ныхъ учитель —
Я зрю Тебя, племенъ несмѣтныхъ Повели-
тель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,
Гдѣ все Твое, гдѣ Ты надъ всѣхъ судьбою
властенъ,
Гдѣ Ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ
бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія —
О сколь божественна въ сей часъ душа Твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспла-
мененной —
За насъ онъ возведенъ къ Правителю все-
ленной!
За насъ Ты предстоишь, какъ жертва, пе-
редъ Нимъ!
Отечество, внимай: „Творецъ! всѣ блага
имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный —

За власть благотворишь, удѣлъ Царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колѣна предъ Тобой,
Безстрашный подъ Твоей незримою рукой
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!...
Покойся, мой народъ! не дремлетъ твой хранитель!
Такъ, *мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей!
На удивленіе народовъ и Царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой олтаремъ любви ему поставлю!
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное!
Правленье Божества зерцало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ и власть Царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ,
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенныы!"...

Вонмижь и Ты Своей семьѣ, Благословенный!
Оставь на время Твой великолѣпный
тронъ —
Хвалой невѣрною тронъ Царскій окружонъ —
Сокрой Свой Царскій блескъ, втѣснись безъ
украшенья,
Одинъ, въ толпу, и тамъ внимай благословенья!
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ;
На праздникахъ семей, украшенный Твой
ликъ —
Ликующихъ родныхъ родный благотвори-
тель —
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зри-
тель,
И чаша первая, и первый гимнъ Тебѣ!
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ Твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ,
И славой для него грядущее пылаетъ.
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устре-
мить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ разцвѣлъ передъ могилой!
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,

Пенатамъ посвятивъ изрубленный свой
щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ веселъемъ го-
воритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ Тебя, всегда въ кипя-
щей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ
предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣ-
вецъ....
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ Царя — не
льстецъ!
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ
народа;
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, олтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово:
ЦАРЬ!
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и Нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ Твой от-
даетъ!
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ
лiетъ
Нѣмымъ присутствiемъ въ обители стра-
данья!...
Пустъ облечетъ во власть святой обрядъ
вѣнчанья;

Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за ЦАРЯ на жертву жизнь
принесть —
Отъ подданныхъ ЦАРЮ коленопреклоненье!
Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань!
О ЦАРЬ, не скипетромъ блистающая
длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь Твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота — великая душа!
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на Твой народъ, простертый предъ
Тобою!
Благослови его державною рукою!
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцемъ пушь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію ЦАРЯ, на все, на все готовой —
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ Твой приноситъ Цар-
скій тронъ.
Предстатель за Царей народъ у Прови-
дѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благосло-
венья!
Повѣрь народу, ЦАРЬ, имъ будешь счаст-
ливъ Ты!

Поставившій Тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Ужель на краткій мигъ Онъ намъ Тебя явилъ?
О, нѣтъ! Онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ Тебѣ всѣ блага, намъ священны —
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный!
Примижь, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость Царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ Ты міру
Столь древле славную отцевъ Твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу Твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —
Здѣсь, окружая Твой престолъ, Благословенной!
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ Твоей священной!
Какъ предъ ужасною святыней олтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за ЦАРЯ!

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Мой слабый даръ ЦАРИЦА ободряетъ!
Владычица, въ сіяніи вѣнца,
Съ улыбкой слухъ опъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣстнаго пѣвца!
Могуль желаетъ славнѣйшія награды?..
Когда сей врагъ къ намъ брань и гибель несъ,
И Русскіе воспламенялись грады:
Я съ трепетомъ зрѣлъ Ангела небесъ,
Въ сей страшной мглѣ откры вшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполину;
Я старца зрѣлъ, избраннаго ЦАРЕМЪ;
Я зрѣлъ Славянъ, летящихъ за вождемъ
На огнь и мечь, и въ каждомъ взорѣ мщенье —
И геніемъ мнѣ было восхищенье,

И я предрекъ губишелю паденье,
И все сбылось — губитель гордый палъ!...
Но ахъ! почто мнѣ жребій низпослалъ
Сколь бѣдный даръ?... Внимаемый ЦАРИ-
ЦЕЙ,
Отважнобъ я на лирѣ возгремѣлъ,
Какъ месть и громъ несущій нашъ орелъ
Ударилъ въ слѣдъ за робкою станицей
Посшигнутыхъ смятеніемъ враговъ,
Какъ подъ его обширными крилами
Спасенные народы опъ оковъ
Съ возникшими изъ низости Царями
Воздвигнули свободы знамена!
Или, забывъ побѣдные перуны,
Твоей хвалой воспламенилъ бы струны!
Ахъ! сей хвалой душа моя полна!
И гдѣ предметъ славнѣе для Поэта?
ЦАРИЦА, Мать, Супруга, Дщерь Царей—
Краса Цариць, веселіе полсвѣта!...
О! кто найдетъ языкъ, приличный Ей?
Почто лишенъ я силы вдохновенья?
Тогдабъ дерзнулъ я лирою моей
Тебя воспѣть въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ Царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья!
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ Тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою

И рѣзвостью невинной утѣшать;
ЦАРИЦЫ нѣтъ — онѣ ласкаютъ мать!
Объ Ней ихъ мысль, объ Ней ихъ разгово-
ры,
Объ Ней одной мольбы ихъ предъ Твор-
цомъ,
Одну Ее съ небеснымъ Божествомъ
При олтарѣ поютъ ихъ сладки хоры!
Или, въ мечтахъ стремясь Тебѣ во слѣдъ,
Дерзнулъ бы я вступить въ сей домъ спа-
сенья,
Туда, гдѣ Ты, какъ Ангелъ утѣшенья,
Льешь сладкую отраду въ чашу бѣдъ.
О! кто въ сей храмъ войдетъ безъ умиленья!
Какъ Божество невидимое, Ты
Тамъ колыбель забвенной сироты
Спасительной рукою оградила;
Въ часъ бытія отверзлась имъ могила —
Ты приговоръ судьбы перервала,
И въ образѣ небесныя Надежды
Другую жизнь отверженнымъ дала!
Едва на міръ открыли слабы вѣжды,
Ужь съ Творческимъ сліянный образъ Твой
Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
Безъ трепета отъ тихой колыбели
Они идутъ въ путь жизни за Тобой.
И въ бурю бѣдъ Ты мощный имъ хранитель!
Вотще окрестъ ихъ сѣни брань кипитъ —

На ихъ главы Ты свой просперла щитъ,
И задрожалъ свирѣпый изпребитель
Предъ мирною невинностью дѣтей;
И не дерзнулъ пожаръ внесши злодѣй
Въ священную сиротъ Твоихъ обитель!
И днесь — когда отвсюду славы громъ,
Когда, сраженъ полуночнымъ орломъ,
Бѣжитъ въ стыдѣ народовъ пришѣсни-
тель —
О сколь предметъ высокій для пѣвца!
Владыки Матъ въ величествѣ Царицы
И съ Ней народъ, молящіе Творца:
Да подъ щитомъ всесильныя Десницы
Дастъ миръ землѣ полсвѣта Властелинъ!
Такъ! къ небесамъ дойдутъ Твои молитвы!
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду
битвы,
Защитникъ царствъ, любовь Царей, Твой
Сынъ,
Съ вѣнчанными побѣдою полками!
О славный день! о радостный возвратъ!
Уже я зрю священный Петроградъ,
Встрѣчающій Спасителя громами!
Грядетъ! грядетъ, предшествуемъ орлами!
Плѣняющій величествомъ, красой!
И близъ Него нашъ старецъ, вождь судьбины,
И имъ во слѣдъ вождей блестящій строй,
И грозныя Славянскія дружины!

И Ты спѣшишь съ Супругою младой,
Въ кругу Дѣтей, во срѣтенье желанныхъ....
Блаженный часъ! въ виду героевъ бранныхъ,
Прославленной склоняется главой
Владыка-Сынъ предъ Матерью-Царицей,
Да славу ихъ любовь благословитъ —
И вкупѣ съ Нимъ спасенный міръ лежитъ
Передъ Твоей священною десницей!

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

ПИСАНО ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ КРАСНЫМЪ.

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Писано послѣ сраженія подъ Краснымъ.

О вождь Славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять!
И съ Россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ!...
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ Славянинъ!
Я зрѣлъ, какъ ты, среди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами!
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась....
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!

О старецъ-вождь! я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ Рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною!

Законъ Судьбы для насъ неизъяснимъ!
Надменный сей не ею̀ль былъ хранимъ?
Вотще пески Ливійскіе пылали —
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій челнъ!
Ступилъ на брегъ — въ рукѣ его корона!
Ужь хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ!
Ужь онъ Царей-рабовъ своихъ созвалъ!...
И возстаютъ могущіе Тевтоны,
Достойные Арминія сыны;
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, Венгръ, Саксонъ ополчены;
И спали въ строй измѣнники Сарматы!
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ—ужь все подъ ихъ стопою,
Ужь Россъ главу подъ низкій миръ склонилъ!...

О замыслы! о неба судъ ужасной!
О хищный врагъ!...и прудъ поликихъ лѣтъ,

И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни — все напрасно!
Здѣсь грозная Судьба его ждала!
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ!
Хвала, нашъ вождь! едва дружины двинулъ —
Ужь хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ
назадъ!
Ихъ гонитъ страхъ; за ними мчится гладъ;
И щитъ и мечь бросаютъ съ знаменами;
Вездѣ пути покрыты ихъ костями;
Ихъ волны жрутъ; ихъ губитъ огнь и хладъ;
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью!
Не узрятъ ихъ отечески поля!
Обречены въ добычу испребленью!
И будетъ гробъ имъ Русская земля!
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ!
Посолъ Судьбы, явился ты полкамъ —
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ!
Леши, неси за ними смерть и страхъ!
Ещд ударъ — и всей землѣ свобода!
И нѣтъ слѣдовъ *великаго* народа!

О сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ Оттоманъ —
А ты ужь здѣсь! ужь родины спаситель!

Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды!
И рядъ победъ — полковъ твоихъ слѣды;
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь!...
Когдажь, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!...
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ:
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани!
Во срѣтенье текутъ и старъ и младъ;
Къ тебѣ ихъ взоръ! къ тебѣ подъемлютъ длани!
„Се онъ! се онъ! сей грозный вождь, нашъ щитъ!
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!“
Когдажь, сложивъ съ главы своей шеломъ,
И мечь съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ —
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величествен и ясенъ!
О! дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!

Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи спада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана имъ тишина!
И старецъ, въ гробъ ступившій ужь ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Речетъ сынамъ: мнѣ имъ сбережена
Въ странѣ отцевъ спокойная могила!
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
Его рука мнѣ милыхъ сохранила!
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ олтаремъ, въ обители Царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье!
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье!

КЪ ВОЕЙКОВУ.

КЪ ВОЕЙКОВУ.

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищь-другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата!
Поставь въ мой уголъ посохъ свой,
И умиленною мольбой
Почти домашняго Пената!
Садись—вотъ кубокъ!—въ честь друзьямъ!
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И насъ хранившимъ Небесамъ!

Ты былъ подъ знаменами славы;
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга;
Ты, строя свой бивакъ изъ снѣга,
Себя смиренью научалъ,
И, хлѣбъ водою запивая,

„Хвала, умѣренность златая!“
Съ пѣвцомъ Тибурскимъ восклицалъ.
Ты видѣлъ Азіи предѣлы;
Ты зрѣлъ Ордынцовъ лютыхъ край,
И лишь обломки обгорѣлы
Тамъ, гдѣ стоялъ Шери-Сарай,
Ѣашыя древняя обитель;
Задумчивый развалинъ зритель,
Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
Ты настоящаго картину,
И въ нихъ ужасную судьбину
Ѣашыя новыхъ дней читалъ.
Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
Тамъ братство Христіанъ простое
Безстрастіемъ ограждено
Отъ вредныхъ сердцу заблужденій,
Отъ милыхъ сердцу наслажденій.
Тамъ вѣчно тоже и одно;
Всему свой часъ: труду, бездѣлью!
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья тамъ сковалъ.
Тамъ, видя счастіе въ покоѣ,
Ты всѣ восторги отдавалъ
За нестраданіе святое;
Ты зрѣлъ, какъ въ тишинѣ семей,
Хранимы сердцемъ матерей,
Тамъ дѣвы простотой счастливы,
А юноши трудолюбивы

Отъ бурныхъ спасены страстей
Рукой заняшія цѣлебной;
Ты зрѣлъ, какъ, вшедши въ Божій храмъ,
Они смиренно къ небесамъ
Возводящъ взоръ съ мольбой хвалебной,
И служащъ сердцемъ Божеству,
Отринувъ мракъ предразсужденья....
Что уподобимъ торжеству,
Которымъ чудо Искупленья
Они въ восторгѣ вѣры чтущъ?....
Все тихо!...полночь!...нѣтъ движенья!...
И въ трепетѣ благоговѣнья
Всѣ братья той минуты ждутъ,
Когда имъ звонъ-благовѣстишель
Провозгласитъ: воскресъ Спаситель!...
И вдругъ...во мглѣ...средь тишины,
Какъ будто съ горней вышины
Съ трубою Ангелъ-пробудитель,
Низходитъ гласъ!...олтарь горитъ!
И братья пали на колѣни!
И гимнъ торжественный гремитъ!
И се!...идутъ въ усопшихъ сѣни!
О сердце трогающій видъ!
Въ тѣни тополей, липъ вѣтвистыхъ,
Густыхъ березъ и шелковицъ,
Между шюльпановъ, розъ душистыхъ,
Ряды являются гробницъ:
Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,

Тамъ юношей, тавъ дѣмъ младыхъ —
И Вѣра подлѣ пепла ихъ
Надежды факелъ воспалила....
Идутъ къ возлюбленныхъ гробамъ
Съ отрадной вѣстью воскресенья;
И все — отверстый, свѣтлый храмъ,
Гдѣ, мнится, тайна Искупленья
Свершается въ сей самый часъ,
Торжественный поющихъ гласъ,
И братій на гробахъ лобзанье,
(Принесшихъ имъ воспоминанье
И жертву умиленныхъ слезъ),
И тихое гробовъ молчанье,
И соприсутственныхъ небесъ
Незримое съ землей слiянье —
Все живо, полно Божества....
И вѣрныхъ братій торжества
Свидѣпели, изъ тайной сѣни
Исходятъ дружескія тѣни,
И ихъ преображенный видъ
На сладку пѣснь: *Воскресъ Спаситель!*
Сердцамъ: *воистину!* гласитъ,
И самый гробъ ихъ говоритъ:
Воскреснемъ! живъ нашъ Искупитель! — —
И сей оставивши предѣлъ,
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межь виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, прильнувъ на брегѣ,

Чеченецъ иль Черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И въ далекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой.
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотой:
Ущесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучь дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни елени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ — среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ —
Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Камуцинецъ,

И Карбулакъ, и Абазинецъ,
И Чечереецъ, и Шапсъкъ;
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь-сорапникъ быстроногій
Ихъ и сокровища и боги:
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса;
Или, по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ;
Скалы свободы ихъ пріютъ;
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На косныляхъ угрюмой лѣни:
Тамъ жизнь ихъ—сонъ; сплѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ пѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хваляшъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы. — —
Ты видѣлъ Дона берега;
Ты зрѣлъ, какъ онъ поилъ шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
Межь виноградными садами

Онъ, зеленѣя, пропекалъ,
И ясной влагой отражалъ
Брега, покрытые стадами,
Ряды спѣснившихся струговъ,
И на склоненіи холмовъ
Донскихъ богатырей станицы;
Ты часто слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляютъ Донъ,
Спокойствіе станицъ счастливыхъ,
Вождей и коней ихъ ретивыхъ;
Съ смиреньемъ отдалъ ты поклонъ
Жилищу Вихря-Атамана
И изъ завѣтнаго стакана
Его здоровье на Цымлѣ
Пилъ, окруженный стариками,
И витязи подъ сѣдинами
Соотчичамъ въ чужой землѣ
Ура! кричали за тобою.

Теперь Ты дружества рукою
Въ обитель брата приведенъ,
Съ нимъ вспомнить призраки златые
Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы — гости молодые
У милой Жизни на пиру —
Изъ полной чаши радость пили,
И *счастье наше!* говорили

Въ своемъ пророческомъ жару....
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвѣстно
Все то, что намъ здѣсь суждено...
А время мчится безъ возврата,
И жизнь-измѣнница за нимъ!
Одинъ уходимъ за другимъ!
Другъ, оглянись! еще нѣтъ брата!
Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ!
Пустѣй дорога передъ нами!

Но такъ и быть!...здѣсь твой Поэтъ
Съ смиренной Музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ,
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить;
И очарованный тобою,
Какъ за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше солнышко-краса
Владиміръ Князь съ богатырями;
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами,
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ;

И басурмановъ тьмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ;
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ, дивной облеченъ броней,
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
И въ тайнѣ дѣвицъ-краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою;
Склоняся на руку главою,
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьи говоритъ:
„О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ!
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга-радости моей!“
Краса-дѣвица ноетъ, плачетъ;

А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за придевять земель!
Ему сыра земля посшель;
Возглавье щитъ; ночлегъ дубрава;
Тамъ бьется съ Бабою-ягой;
Тамъ изъ ручья съ живой водой,
Подъ стражей змѣя шестиглава,
Кувшиномъ черпаетъ злашымъ;
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня;
Тамъ заслоняетъ путь Горыня;
И вотъ впезанно занесёнъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасной;
Сіяетъ блескъ въ дали прекрасной;
Чѣмъ ближе онъ — тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ;
То слышится Русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдаго пня
Выходитъ Лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня —
Дворецъ волшебный Царь-дѣвицы;
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ,
И пѣснь привѣтствія поютъ;
И онъ..,..Но что? куда мечтами

Я залетѣлъ тебѣ во слѣдъ?
Ты чародѣй, а не Поэтъ!
Ты всемогущими струнами
Мой падшій геній оживилъ!...
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предрѣчь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой?
Признайпьсяль, другъ?...смотрю съ тоской,
Съ волненіемъ непобѣдимымъ
На бѣлые сіи листы,
И мнится, перстомъ невидимымъ
Свой невидимы черты
На нихъ Судьба ужь написала!
Чтобъ ни было....сей даръ тебѣ
Отнынѣ дружба завѣщала!
Она твоя!...молись Судьбѣ,
Чтобъ въ ней наполнились страницы!
Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ —
И ты прочтешь въ ней небылицы,
За быль разсказанныя мной:
То знай, что счастливъ жребій мой,
Что подъ надзоромъ Провидѣнья,
Питаясь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что милой мнѣ,
Я на крылахъ воображенья,
Веселый *здѣсь*, въ *томъ* міръ леталъ,

*

И что меня не покидалъ
Мой вѣрный Ангелъ вдохновенья!...
Но, другъ! бышь можешъ.... какъ узнать?...
Она останется пустая,
И нѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее отдашь
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья!
Прими се.... и пожалѣй!

КЪ БЛУДОВУ.

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЕГО ВЪ ТУРЕЦКУЮ АРМІЮ.

КЪ БЛУДОВУ.

Веселаго пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю;
Отринь покой, лети
За Русскими орлами;
Но въ полѣ, подъ шатрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждетъ тебя, уныла,
Твой другъ, твоя Людмила,
Хранитель-ангелъ твой!...
Съ крылатою мечтой
Проникни сокровенно
Въ чертогъ уединенной,
Гдѣ, съ вѣрною тоской,
Съ пылающей душой,
Она одна, вздыхаетъ,
И Промыслъ умоляетъ:
Да будетъ твой покровъ
Въ обишели враговъ!

Смотри, какъ томны очи,
Какъ видъ ея унылъ;
Ей бѣлый свѣтъ постылъ;
Одна, во мракѣ ночи,
Сокрылась въ теремъ свой;
Лампаду зажигаешъ,
Письмо твое читаешъ,
И робкою рукой
Отвѣтъ ко другу пишешъ,
Гдѣ въ каждомъ словѣ дышетъ
Души ея печаль.
Лети въ безвѣстну даль!
Твой геній надъ тобою!
Среди опасна бою
Его незримый щитъ
Тебя пріосѣнитъ —
И мимо пролетитъ
Стрѣла ужасной Гелы.
Ахъ! скороль твой веселый
Возвратъ утѣшитъ вновь
И дружбу и любовь?...

Для скорби утоленья,
Податель благъ, Зевесъ
Двумъ жителямъ небесъ
Минуты разлученья
Повѣрилъ искони.

„Да будутъ, рекъ, они,
Одинъ — посолъ разлуки,
Свиданія — другой!“
И въ часъ сердечной муки,
Когда, рука съ рукой,
Въ тоскѣ безмолвной, други,
Любовники, супруги,
Съ послѣднею слезой,
Въ послѣднемъ лобызаньѣ
Послѣднее прощанье
Другъ другу отдаютъ,
Мольбы изъ сердца льютъ,
И тихими стопами,
Съ поникшими главами,
Въ душѣ скрывая стонъ,
Идутъ, осиротѣлы,
Въ свой теремъ опустѣлый:
Сынъ Дія Абеонъ,
Задумчивый, безкрылой,
Съ улыбкою унылой,
Съ отрадой скорбныхъ слезъ,
Спускается съ небесъ,
Ведомый Адеономъ,
Который тихимъ звономъ
Волшебныхъ струнъ своихъ
Льетъ въ сердце упованье
На близкое свиданье.

Я вижу обоихъ:
Одинъ съ своей тоскою
И тихою слезою:
Съ надеждою другой.
Прости, мой другъ нелестной!
На долголь? Неизвѣстно!
Но вѣрую душой:
(И вѣра не обманетъ)
Желанный день настанетъ —
Мы свидимся съ тобой!

Или...увы! незримо
Грядущее для насъ!...
Быпь можетъ — въ оный часъ,
Когда ты невредимо
Свершивъ опасный пупь,
Свободою вздохнупь
Придешь въ странѣ родимой
Съ Людмилою своей —
Ты спросишь у друзей:
„Гдѣ скрылся другъ любимой?“
И чтожъ тебѣ въ отвѣтъ?
Его ужь въ мірѣ нѣтъ!...
Такъ! если въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня возьметъ могила,
И участь присудила,
Чтобъ первый я изчезъ

Изъ милаго мнѣ круга.
Друзья! безъ скорбныхъ слезъ
На прахъ взирайте друга.
Гдѣ свѣтлою струей
Плескаетъ въ брегъ зеленый
Извивистый ручей,
Гдѣ сѣнистые клены
Сплетаютъ изъ вѣтвей
Покровъ госпепріимный,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ;
Туда — лишь надъ холмомъ
Луна сквозь облакъ дымный
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ
Окреспъ благоуханье —
Сберитесь, о друзья!
Въ мое воспоминанье.
Надъ вами буду я
Древесъ подъ зыбкой сѣнью,
Невидимою тѣнью
Летать, рука съ рукой
Съ утраченнымъ Филономъ.
Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ
Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ

Задумчивосшь надъ вами;
Увидише сердцами
Вь незнаемой дали
Отечество желанно,
Пріютъ обѣтованной
Для странниковъ земли.

КЪ ВЯЗЕМСКОМУ

и

ПУШКИНУ.

КЪ ВЯЗЕМСКОМУ

и

ПУШКИНУ.

Друзья, тотъ стихотворецъ-горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ!
Хотѣть чтобъ насъ хвалилъ *весь свѣтъ*
Не то же ли, что выпить море?
Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ,
Который *всѣмъ* дается свѣтомъ!
Иная слава намъ предметомъ,
Иной награды ждетъ пѣвецъ!
Почто на Фебовъ даръ священный
Такъ безразсудно клеветать?
Могуль повѣрить, чтобъ страдать
Пѣвецъ, отъ Музы вдохновенный,
Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувственный жилецъ,
Съ глухой и вялою душою,

Чѣмъ добровольной слѣпотою
Убившій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
Завистникъ генія и славы?
Нѣтъ! жалобы твои неправы,
Другъ Пушкинъ! счастливъ, кто Поэтъ!
Его блаженство прямо съ неба;
Онъ имъ не дѣлится съ толпой!
Его судьи лишь чада Феба!
Ему ли съ пламенной душой
Плоды святаго вдохновенья
Къ ногамъ холодныхъ повергать,
И на колѣнахъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья?
Одинъ, среди песковъ, Мемнонъ
Сѣдя съ возвышенной главою,
Молчитъ! — лишь гордою стопою
Касается ко праху онъ!
Но лишь денницы появленье
Въ дали востокъ воспламенитъ —
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ.
Таковъ поэтъ, друзья! Презрѣнье
Въ пыли таящимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,
А взоры устремимъ къ востоку!
Смотрите: неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой, и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путемъ

Идетъ — и терпитъ ли гоненья,
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой —
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой!
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ —
Нѣтъ! въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои!
Такъ и поэтъ, друзья мои!
Поэзія есть добродѣтель!
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель!
Здѣсь славы чистой не найдемъ —
Начтожъ искать? перенесемъ
Свои надежды въ міръ потомства!....
Увы! Димитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть Дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила —
Въ нихъ Зависть тернія вплела!
И торжествуетъ! растерзали
Ихъ иглы славное чело —
Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали!
Ахъ! естьлибъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!

Чувствительность его сразила!
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала —
Пѣвцу погибелью была....
Помомсшво грозное, отмщенья!
А намъ, друзья, изъ отдаленья
Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала — гулъ шумный и невнятный!
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней,
Свобода другъ намъ благодатный!
Мы независимо, въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для Музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей!
Для насъ всѣ обольщенья славы!
Рука завистниковъ-судей
Душеубійственной отравы
Въ ея сосудъ не подольетъ,
И злобы крикъ къ намъ не дойдетъ!
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ свѣтъ —
Обвитый розами скелетъ!
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы въ близи не ужаснуться!
Внимай избраннымъ судіямъ:

Ихъ приговоръ зерцало намъ;
Ихъ одобренье намъ награда;
А порицаніе ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ;
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ!...О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной, и разногласной?
И потъ же Карамзинъ, друзья,
Разимый злобой, несраженный,
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,
Для насъ примѣръ и судія!
Спросите: для одной ли славы
Онъ вопрошаетъ у вѣковъ,
Какъ были, какъ прешли державы,
И чьдамъ подвиги отцовъ
На прахъ древности являетъ?
Нѣтъ! онъ о славѣ забываетъ
Въ минуту славнаго труда!
Онъ беззаботно ждетъ суда
Отъ современниковъ правдивыхъ,
Не замѣчая и лица
Завистниковъ несправедливыхъ!

И имъ не разорвать вѣнца,
Который взяло дарованье!
Ихъ злоба — имъ однимъ сртаданье!
Но пусть и очарують свѣтъ —
Собою счастливый поэтъ,
Твори, будь твердъ! ихъ зданья ломки!
А за тебя дадутъ ответъ
Необольстимые потомки!

КЪ ФИЛАЛЕТУ.

ПОСВЯЩЕНО АЛ. ИВ. ТУРГЕНЕВУ.

КЪ ФИЛАЛЕТУ.

Гдѣ ты, далекій другъ? когда прервемъ разлуку?
Когда прострешь ко мнѣ ласкающую руку?
Когда мнѣ вспрѣтишь твой душѣ понятный взглядъ
И сердцемъ отвѣчать на дружбы гласъ священной?...
Гдѣ вы, дни радостей? Придешь ли ты назадъ,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселіе на вѣки отцвѣло,
И счастіе мое съ протекшимъ протекло?....
Какъ часто о часахъ минувшихъ я мечтаю!
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю,
Конецъ всему — души покой;
Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой....
Ахъ! время, Филалетъ, свершишься ожиданьямъ!
Не знаю....но, мой другъ, кончины сладкій часъ

Моей любимою мечтою становится;
Унылосіпь шихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерши гласъ.
Зовешъ меня!....зовешъ!....куда зовешъ?....
не знаю!
Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
Я сердцемъ сопряженъ съ сей шайною страной,
Куда насъ всѣхъ влачишъ судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима —
Повсюду вѣстники могилы предо мной.
Смотрю ли, какъ заря съ закатомъ угасаетъ —
Такъ, мнится, юноша цвѣтущій исчезаетъ;
Внимаю ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю ль въ шуманну даль вечернею порой,
Къ клавиру ль преклонясь, гармоніи внимаю —
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю!
Иль предвѣщаніе въ уныніи моёмъ?
Или судилъ мнѣ рокъ въ весенни жизни годы,
Сокрывшись въ мракѣ гробовомъ,
Покинуть и поля и отческія воды,

И міръ, гдѣ жизнь моя безплодно разцвѣла?....
Скажуль?....мнѣ ужасовъ могила не являетъ!
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожи-
даетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало на-
сладился,
Которую давно надежда не златитъ!
Къ младенчеству ль душа прискорбная ле-
титъ,
Щитаю ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ—
И что же?....предо мной увядшаго могила!
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила!
Любовь....но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье!
Изсякшія души наполню ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ прошекшимъ лишь пре-
лестно!
Мой другъ! о нѣжный другъ! когда намъ не
дано
Въ семъ мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь
для насъ священна

Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнна,
Почто жъ, увы! почто судьбой запрещено
За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію
безплодну?
Почто (дерзнулъ спросить?) отъялъ у насъ
Творецъ
Имъ жертвовать собой свободу превосходну?
Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ
мой конецъ,
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни
приношеньемъ
Я могъ — о сладкій сонъ! — той счастье
искупить
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою
дѣлить!....
Когда бъ стократными и скорбью и мучень-
емъ
За каждый мигъ ея блаженства я платилъ:
Тогда бъ, мой другъ, я рай въ семъ мірѣ
находилъ,
И дня какъ дара ждалъ, къ страданью про-
буждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаясь,
Что каждый жизни мигъ погибшія моей
Естъ жертва тайная для блага милыхъ
дней,
Ябъ смерти звать не смѣлъ, страшился бы
могилы!

О незабвенная! другъ милый, вѣчно милый!
Почто, повергнувшисъ въ слезахъ къ пво-
имъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Опъ сердца не могу воскликнуть къ небе-
самъ:
„Все въ жертву за нее! вся жизнь моя предъ
вами!“
Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?
О Безразсуднаго напрасное моленье!
Гдѣ топъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и поги-
бать?
Ахъ! естьли бъ мы могли въ сей области
изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь
кончать —
Кто бъ небо оскорбилъ безумiемъ роптанья!

КЪ НИНЪ.

КЪ НИНѢ.

О Нина! о Нина! сей пламень любви
Уже ли съ послѣднимъ дыханьемъ угаснетъ?
Душа, отлетая въ незнаемый край,
Уже ли во прахѣ то чувство покинетъ,
Которымъ равнялась богамъ на землѣ?
Уже ли въ минуту боренья съ кончиной —
Когда ужь не буду горящей рукой
Въ слезахъ упоенья къ трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимашь,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланишный-примѣта любви,
И тайныя страсти во взорахъ сіянье,
И тихіе вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвѣстнымъ желаньемъ стѣ-
сненье —
Уже ли, о Нина! всѣмъ чувствамъ конецъ?
Уже ли ни тѣни земнаго блаженства
Съ собою въ обитель небесъ не возмемъ?

Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко трону
Любови?
И то, что пишало въ насъ пламень души,
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Уже ли то бездна могилы пожретъ?
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь!
И въ области райской я буду печально
О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ меч-
тать!
Я съ завистью буду — какъ бѣдный затвор-
никъ
Во мракѣ темницы о нѣжной семьѣ,
О прежнихъ весельяхъ родительской сѣни,
Прискорбный, тоскуетъ, на цѣпи скло-
нясь —
Смотрѣть, унывая, на милую землю.
Что въ вѣчности будетъ замѣной любви?
О! первыя встрѣчи небесная сладость —
Какъ тайныя, сердца созданья, мечты,
Въ единый сліявшись плѣнительный об-
разъ,
Являются смутной веселью въ душѣ —
Унынія прелесть, волненье надежды,
И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ-души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія сладость, томленье разлуки,

Ужель невозвратно васъ съ жизнью терять?
Уже ли, приближась къ безмолвному гробу,
Гдѣ хладный, на вѣки безчувственный прахъ
Горѣвшаго прежде любовію сердца,
Мы будемъ напрасно и скорбью очей,
И прежде всесильнымъ любви призываньемъ
Въ безчувственномъ прахѣ любовь оживляшь?
Ужель изъ-за гроба отвѣта не будетъ?
Ужель переживший одинъ сохранитъ
То чувство, которымъ такъ сладко дѣлился,
А прежній сопутникъ, кѣмъ въ мірѣ онъ жилъ,
Съ которымъ сливался тоской и блаженствомъ,
Исчезнетъ за гробомъ, какъ утренній паръ
Съ лучемъ, озлатившимъ его, исчезаетъ,
Развѣянный легкимъ зефира крыломъ?...
О Нина! я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви!
Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный,
И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ —
Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья!
О Нина! быть можетъ, торжественный часъ,
Посланникъ разлуки, уже надо мною!

Ахъ! скоро, быть можетъ, погаснетъ мой взоръ,
Къ тебѣ устремляясь съ послѣднимъ блистаньемъ,
Съ послѣднею лаской ушихнетъ мой гласъ,
И сердце забудетъ свой сладостный трепетъ —
Не сѣтуй, и вѣрой себя услаждай,
Что чувства нетлѣнны, что духъ мой съ тобою!
О сладость! о смертный, блаженнѣйшій часъ!
Съ тобою, о Нина, тѣснѣйшимъ союзомъ
Онъ страстную душу мою сопряжетъ!
Спокойся, другъ милой, и въ самой разлукѣ
Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу!
Въ часы испытанья и мрачной тоски,
Я въ образѣ тихой, небесной Надежды
Бесѣдуя скрытно съ твоею душой,
Въ прискорбную буду вливать утѣшенье;
Подъ сумракомъ ночи, когда понесешь
Отраду въ обитель недуга и скорби,
Я буду твой спутникъ, я буду съ тобой
Дѣлиться священнымъ добра наслажденьемъ;
И въ тихій священный моленія часъ,
Когда на колѣнахъ, съ блистающимъ взоромъ
Ты будешъ свой пламень къ Творцу возсылать,

Быть можетъ, тоскуя о другѣ погибшемъ,
Я буду молитвы невинной души
Носить въ умиленьи къ небесному трону.
О другъ незабвенный! тебя окруживъ
Невидимой тѣнью, всѣмъ тайнымъ движень-
ямъ
Души твоей буду въ весельи внимать.
Когда ты—плѣнившись потока журчаньемъ,
Иль блескомъ послѣднимъ угасшаго дня
(Какъ холмы объемлетъ задумчивый сумракъ,
И съ блѣднымъ вечернимъ мерцаньемъ, въ
душѣ
О радостяхъ прежнихъ мечта воскресаетъ)
Иль сладостнымъ пѣньемъ вдали соловья,
Иль вѣющимъ съ луга душистымъ зефиромъ
Несущимъ свирѣли далекія звукъ,
Иль стройнымъ бряцаньемъ полунощной
арфы —
Нѣжнѣйшую томность въ душѣ ощу-
тишъ,
Исполнишься тихимъ, унылымъ мечтань-
емъ,
И, въ міръ сокровенный душею стремясь,
Присутствіе Бога, безсмертья награду,
И съ милымъ свиданье въ безвѣстной
странѣ
Яснѣе постигнешь, съ живѣйшею вѣрой,

Съ живѣйшей надеждой отъ сердца вздо-
хнешь....
Знай, Нина! что друга ты голосъ внимаешъ,
Что онъ и въ веселье и въ тихой тоскѣ
Съ твоею душею сливается тайно.
Мой другъ, не спрашися минуты конца!
Посланникомъ мира, съ лучемъ утѣшенья
Ко смертной постелѣ приникнувъ твоей,
Я буду игрою небесныя арфы
Послѣднюю муку твою услаждать:
Не вопли услышишь грозящія смерши,
Не ужасъ могилы узришь предъ собой:
Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
Но свѣтлый, ведущій къ веселію пушь,
И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
Манящаго ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій!

КЪ КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ.

КЪ КНЯЗЮ

ВЯЗЕМСКОМУ.

Намъ славитъ древность Амфіона!
Отъ струнъ его могущихъ звона
Воздвигся городъ самъ собой!
Правдоподобно, хоть и чудно!
Что древнему поэту трудно?
А нынче?...нынче вѣкъ иной!...
И въ наши бѣдственныя лѣты
Не только лирами поэты
Не строютъ новыхъ городовъ,
Но сами часто безъ домовъ,
Богатымъ платятъ пѣснопѣньемъ
За скудный уголъ чердака,
И грѣются воображеньемъ
Подлѣ пустаго камелька!

О Амфіонъ! благоговѣю!
Но, признаюсь, не сожалѣю,
Что даръ твой: говорить стѣнамъ,
Въ наслѣдство не достался намъ!
Славнѣе говорить сердцамъ,
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять бездушный камень,
И зданья лирой громоздить.

Съ тобой хочу я говорить,
Мой другъ и братъ по Аполлону!
Склонись къ знакомой лиры звону;
Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
Но мой удѣлъ на свѣтѣ — струны!
А твой: и сладкихъ пѣсней даръ
И пышные дары форшуны!
Послушай повѣсти моей:
(Здѣсь истина безъ украшенья)
Былъ пастырь, образецъ смиренья;
Отъ самыхъ юношескихъ дней
Святаго олтаря служитель,
Онъ чистой жизнью оправдалъ
Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель;
Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
Былъ подвиговъ его свидѣтель!
Невидимую добродѣтель

Его лишь тотъ кто нагъ илъ сиръ,
Иль обреченъ былъ униженью,
Вдругъ узнавалъ по облегченью
Тяжелыя судьбы своей!
Ему науки были чужды —
И нѣтъ въ излишнемъ знаньѣ нужды! —
Онъ рѣдкую между людей
Въ простой душѣ носилъ науку:
Страдальцу гибнущему руку
Въ благое время подаватъ.
Не зналъ онъ гордаго искуства:
Умы витійствомъ поражать
И приводить въ волненье чувства;
Но, другъ, спроси у сироты:
Когда въ одеждѣ нищеты,
Потупя взоры торопливо.
Она стояла передъ нимъ
Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
Въ ней сердце къ жизни оживлять,
И міръ, ей страшный, украшать
Надеждою на Провидѣнье?
Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
Когда лишь смерти слышенъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенье,
Онъ съ робкой говорить душой,
И скрывъ предъ нею міръ земной,
Являть предъ нею міръ небесной?

Какъ часто въ уголъ неизвѣстной,
Гдѣ нищій съ гладною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,
Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Разпроганныхъ его мольбою!...
Мой милой другъ, его ужь нѣтъ!
Судьба незапною рукою
Его въ другой умчала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги!
Вдовыжь наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепелъ хижины сгорѣлой,
Да плачь семьи осиротѣлой....
Скажи, вопіщель ихъ жалкій стонъ?
О нѣтъ! онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ,
Вѣрнѣй онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая
Неизмѣняющаго намъ!
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
Сиротъ оставленныхъ спасенье!
Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ!
Исполнимъ добраго завѣтъ,
И оправдаемъ Провидѣнье!

КЪ БАТЮШКОВУ.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Сынъ нѣги и веселья,
По Музѣ мнѣ родной,
Пріятность новоселья
Лечу вкусить съ тобой;
Отдамъ поклонъ Пенату,
А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Увей же скромну хату
Вѣнками изъ цвѣтовъ;
Узорнымъ покрываломъ
Свой шашкій столъ одѣнь,
Вооружись фіаломъ,
Шампанскаго напѣнь,
И стукнемъ въ чашу чашей,
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной Музѣ нашей
Дань перваго вина!

Вхожу въ твою обитель:
Здѣсь веселъ ты съ собой,
И Лѣни другъ Покой
Дверей твоихъ хранитель.
Все ясно вкругъ меня;
Закашь румяный дня
Живѣе здѣсь играетъ
На зелени луговъ,
И чище отражаетъ
Здѣсь виды береговъ
Источникъ тихоструйный;
Здѣсь кропокъ вихорь буйный;
Пріятнѣй сѣнь листовъ
Зефиры здѣсь колышутъ,
И слаще нѣгой дышутъ;
Укромный домикъ твой
Не златомъ — чистотой
И свѣтлостью плѣняетъ;
Въ окно твое влетаетъ
Цвѣтовъ пріятный духъ;
Терасъ, предъ нимъ дерновый
Узорный полукругъ:
Тамъ ландыши перловы,
Тамъ розовы куспы,
Тюльпанъ, нарцисъ душистой,
И тубероза, чистой
Эмблема красоты,
Съ роскошнымъ анемономъ;

Едва примѣтнымъ склономъ
Твой сходитъ садъ къ рѣкѣ;
Шумитъ не вдалекѣ
Тамъ мѣльница смиренна:
Съ колесъ жемчужна пѣна
И брызговъ дымъ сѣдой;
Мелькаетъ надъ рѣкой
Веселая купальня,
И, гостъ изъ края дальня,
Уютный домикъ свой
Тамъ Швабскій гусь спѣсивой
На островѣ подъ ивой,
Межь дикою крапивой
Безпечно заложилъ.

Такъ здѣсь пріютъ Поэта:
Душа моя согрѣта
Вліяньемъ горнихъ силъ,
И вся ничтожность свѣта
Въ глазахъ моихъ, какъ сонъ —
Незримый Аполлонъ
Промчался надо мною!....
Ликуй, мой другъ-Поэтъ!
Довольнѣе судьбою
Поэтовъ подъ луною
И не было и нѣтъ.
Ихъ жизнь очарованье!

Ты помнишь ли преданье?
Разбишь въ удѣлы свѣтъ
Преемникъ древній Крона
Задумалъ искони.
„Дѣлитесь!“ — съ горня трона
Богъ людямъ рекъ. Они
Взроилися, какъ пчелы,
Шумящи по лугамъ —
И всѣ уже удѣлы
Земные по рукамъ.
Смиренный Земледѣлецъ
Взялъ трудъ и сельный плодъ;
Могущество Владѣлецъ;
Купецъ равнину водъ
Наморщилъ подъ рулями;
Взялъ ошкунъ Арендарь
А Пастырь душъ олтарь
И силу надъ умами.
„Будь каждый при своёмъ!
(Рекъ Царь земли и ада)
Вы сѣйте, добры чада!
Мнѣ жертвуйте плодомъ!“
Но вотъ....съ земли предѣла
Приходитъ и Поэтъ:
Увы! ему удѣла
Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ
Къ Зевесу онъ съ мольбою:
Отецъ и властелинъ!

За что забытъ тобою
Любимѣйшій твой сынъ? —
„Не я виной забвенья!
Когда я міръ дѣлилъ,
Въ страну воображенья
За чѣмъ ты уходилъ?“
— Увы! я былъ съ тобою!
Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ,
Величествомъ, красою
Небесъ твоихъ, Отецъ,
Мои питались взоры;
Тамъ пѣли дивны хоры;
Я сердце возносилъ
Къ дѣламъ твоимъ чудеснымъ....
Но ахъ! плѣненъ небеснымъ,
Земное позабылъ! —
„Мой сынъ, удѣлы взяты!
Мнѣ жаль твоей утраты!
Но рай передъ тобой!
Согласенъ ли со мной
Дѣлиться небесами?
Блаженствуя съ богами,
Ты презришь міръ земной!“
Съ тѣхъ поръ — необожатель
Подсолнечныхъ суетъ —
Сталъ вѣрный обитатель
Страны духовъ Поэтъ,
Страны неоткровенной:

Туда непосвященной
Толпѣ дороги нѣтъ;
Тамъ чудотворны боги
Веселые чертоги
Сліяли изъ лучей
Въ мерцающей долинѣ
Любимицѣ своей
Фантазіи-богинѣ;
Ея Природа мать;
Безпечно ей играть
Даетъ она собою;
Но, радуясь игрою,
Велитъ ее хранить
Тремъ чадамъ первороднымъ,
Чтобъ прихотямъ свободнымъ
Ее не заманить
Въ туманы заблужденій:
То съ пламенникомъ Геній,
Наука съ свиткомъ Музъ,
И съ легкою уздою
Очами зоркій Вкусъ;
Съ веселою сестрою
Согласные, они
Тамъ нѣжными перстами
Вію̀тъ златые дни;
Все ихъ горитъ лучами;
Во все духъ жизни влитъ:
Въ потокѣ тамъ журчитъ

Гармонія Наяды;
Хранимъ Сильваномъ лѣсъ;
Грудь юныя Дріады
Подъ коркою древесъ
Незримая пылаетъ;
Зефиръ струи ласкаетъ
И вьется вкругъ лилей;
Нарцисъ глядитъ въ ручей;
Среди прозрачной пѣны
Летучихъ облаковъ
Мелькаетъ рогъ Селены,
И въ сумракѣ лѣсовъ
Тоскуетъ Филомела.
Хранятъ сего удѣла
Магической покой
Невинность-геній милой
Съ Безпечностью-сестрой,
И ихъ улыбки силой:
Ни Скукою унылой,
Ни мрачной Суетой,
Ни Алчностью угрюмой,
Ни Мести грозной думой
Ни Зависти тоской
Тамъ свѣтлость не мрачится;
Тамъ ясная таится,
Веселью вѣрный другъ,
Гордынею забыта,

Посредственность - Харита,
И ихъ согласный кругъ
Одушевляемъ Славой —
Не той Богиней бѣдъ,
Которая кровавой
Кладетъ вѣнецъ побѣдъ
Въ дымящіяся длани
Свирѣпостію брани—
Но милою, живой,
Небесною сестрой
Небесныя Надежды;
Чужда порока, врагъ
Безумца и невѣжды
Ея жилища прахъ
Ужасенъ недостойнымъ;
Но шѣмъ душамъ спокойнымъ,
Гдѣ чувство въ простотѣ
Какъ тихой день сіяетъ,
Въ могущей красотѣ
Она себя являетъ,
И въ нихъ воспламенивъ
Къ великому порывъ,
Къ прекрасному стремленье,
Ко благу страстный жаръ,
Имъ оставляетъ въ даръ:
Собою наслажденье.

Мой другъ, и ты пѣвецъ;
И твой участокъ лира;
И ты въ мечтахъ жилецъ
Незнаемаго міра....
Въ мечтахъ? Почтожъ въ мечтахъ?
Почто мы не съ крылами
И вольны лишь мечтами,
А на яву въ цѣпяхъ?
Почто сей тяжкій прахъ
Съ себя не можемъ сринуть,
И міръ совсѣмъ покинуть,
И намъ дороги нѣтъ
Изъ мрачнаго изгнанья
Въ страну очарованья?
Увы! мой другъ!.... Поэтъ,
Призраками богатый,
Безпечностію дитя —
Онъ могъ бы жить, шутя!
Но горькія утраты
Живутъ и для него.
Хотя передъ слѣпою
Богинею, покою
Не тратитъ своего,
Хотя одной молвою,
Смотря на свѣтъ тайкомъ,
Въ своемъ углу знакомъ
Съ безславіемъ тщеславныхъ,

Съ печалями забавныхъ
Фигляровъ-остряковъ,
И съ мукою льстецовъ,
Предъ тронами ползущихъ
И съ бѣшенствомъ падущихъ
Въ изрытый ими ровъ —
Но тѣ живѣйши раны,
Которыя, какъ враны
Вгрызаясь въ глубь сердецъ,
Въ нихъ радость истребляютъ
И жизнь ихъ пожираютъ —
Ихъ знаетъ и пѣвецъ!
Какими, другъ, мечтами
Сберечь души покой,
Когда передъ глазами
Подъ длaнью роковой,
Погибнетъ то, что мило,
И схваченный могилой
Изчезнетъ предъ тобой
Души твоей родной;
А ты, осиротѣлой,
Дорогой опустѣлой
Ко гробу осужденъ
Одинъ, снѣдая слезы,
Тащить свои желѣзы?
И много ли замѣнъ
Намъ дастъ Мечта крылата

Тогда, какъ безъ возврата
Блаженство улетитъ,
Съ блаженствомъ упованье,
И въ сердцѣ замолчитъ
Унывшее желанье;
И ты, какъ палачемъ
Преступникъ раздробленный,
И къ плахѣ пригвожденный,
Въ безсиліи своемъ
Еще быть долженъ зритель,
Какъ жребій-истребитель
Все то, чемъ ты дышалъ,
Что, сердцемъ увлеченной,
Въ надеждѣ восхищенной,
Своимъ ужъ называлъ,
Другому на пожранье
Отдастъ въ твоихъ глазахъ,
Тебѣжъ одно терзанье
Надъ гробомъ милыхъ благъ?

Но полно!... Муза съ нами!
Безсмертными богами
Не всѣмъ, мой другъ, она
Въ сопутницы дана!
Кто слышалъ въ часъ рожденья
Небесной дѣвы гласъ,

Въ комъ искра вдохновенья
Съ огнемъ души зажглась:
Топъ вѣрный опъ судьбины
Найдетъ здѣсь уголокъ!
Въ покрыпы мглой пучины
Замчался мой челнокъ,
Но свѣтишъ для унылой
Еще души моей
Поэзіи свѣшило!
Хошь прелестью лучей
Бунтующихъ зыбей
Оно не усмирило....
Но мгла озарена!
Но сладостнымъ сіяньемъ,
Какъ шайнымъ упованьемъ,
Душа ободрена,
И милая мелькаетъ
Въ дали моей Мечша!...
Пока, мой другъ, плѣняетъ
Добро и красопта,
Пока огнемъ священнымъ
Душа еще полна,
И дверь растворена
Предъ взоромъ опкровеннымъ
Въ святой Природы храмъ,
Пока Харипы намъ
Веселыя послушны:

Дотоль еще къ бѣдамъ
Быть можемъ равнодушны!
О добрый Геній мой,
Послѣднихъ благъ спаситель,
И жребія смиритель!
Да свѣтитъ надо мной,
Во мглѣ путеводитель,
Твой, Муза, милый свѣтъ!

А ты, мой другъ-Поэтъ,
Храни твой даръ безцѣнный!
То Весты огнь священный!
Пока онъ не угасъ—
Мы живы, невредимы,
И Рокъ неумолимый
Свой громъ неотразимый
Бросаетъ мимо насъ!
Но пламень сей, лишь въ ясной
Душѣ неугасимъ.
Когда любовью спрастной
Лишъ то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно;
Когда отъ нашихъ лиръ
Ліются жизни звуки,
Чарующія муки,
Сердцамъ дающи миръ;

Когда мы пѣснопѣньемъ
Несчастнаго дружимъ
Съ сокрытымъ Провидѣньемъ,
Жаръ славы пламенимъ
Въ душѣ, летящей къ благу,
Спезю къ убогихъ прагу
Являемъ богачамъ;
Не льстимъ земнымъ богамъ,
И дочери спыдливой
Заботливая мать
Гармонiи игривой
Сама велитъ внимать:
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Пiитовъ достоянье!
О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ!
Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величiемъ свободы,
Боготворя Природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ
Пѣвецъ - любимецъ мой,
Приступенъ будь душой!

Когда къ дверямъ смиреннымъ
Обители твоей
Придетъ, съ толпою Фей
Желаній прихотливыхъ,
Фортуна - врагъ счастливыхъ:
Ты двери на замокъ!
Пускай толпа стучится;
Содомъ сей въ уголокъ
Поэта не вмѣстится,
Не вытѣснивъ Харитъ.
Но естьли залетитъ
Веселій рой вертляный —
Дверь настежъ, милый другъ!
Пускай въ ихъ шумный кругъ
Войдутъ: и Вакхъ румяный,
Украшенный вѣнкомъ,
Съ состарѣвшимъ виномъ,
Съ наслѣдственною кружкой,
И Шутка съ погремушкой
И Пляски шумный хоръ —
Имъ радъ Досугъ шутливой!
Они осклабятъ взоръ
Работы молчаливой.
Задумчивость подъ часъ
Впускай въ пріютъ укромный:
Ея чуть слышный гласъ
И взоръ пріятной - томный

*

Переливаютъ въ насъ
Покой и услажденье;
Она уединенье
Собой живописитъ;
Она за дальни горы
Насъ къ милому стремитъ—
И радостные взоры,
Согласные съ душой,
За синевой туманной
Встрѣчаются съ желанной
Возлюбленныхъ мечтой;
Ея волшебной силой
Въ гармоніи унылой
Осенняго листка
И въ тихомъ вѣтерка
Вдоль рощи трепетанья,
И въ легкомъ содроганьи
Дремавшія волны,
Какъ будто съ вышины,
Спускается пріятной
Минувшаго привѣтъ,
И то, что невозвратно!
Чего на вѣки нѣтъ,
Опять живописится,
И тихо вѣютъ, мнится,
Надъ нашею главой
Воздушною толпой

Жильцы духовной сѣни
Невозвратимыхъ тѣни.
Но, другъ мой, пригошовь
Въ обишели смиренной
Ты теремъ отдѣленной:
Имѣть постой безсмѣнной
И Дружба и Любовь
Привыкли у Поэта;
Лишась блестящихъ свѣта
Отличій и даровъ,
Ему необходимо,
Подъ свой пустынный кровъ
Все то, что имъ любимо
Собрашь въ единый кругъ;
Съ кѣмъ милая и другъ,
Топъ въ уголъ свой забвенный
Обширныя вселенны
Всю прелесть умѣстилъ;
Онъ міръ свой оградилъ
Заборомъ огорода,
И вдаль за суешой
Не полетишъ мечтой.
Посредственность, свобода,
Животворящій трудъ,
Веселіе досуга
Близь милыя и друга,
И пѣнистый сосудъ

Въ часъ вечера пріятной,
Подъ липой ароматной
Съ забвеніемъ суешъ,
Вопъ все .... но, другъ-Поэтъ!
Любовь — святой хранишель!
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ, — счастья
Въ прямой ищи любви!
Восторговъ, изступленье —
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лаисъ коварныхъ узы!
Друзья стыдливыхъ Музы!
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войти страшится; ....
И что, мой другъ, сравнишся
Съ невинною красой?
При ней цвѣтемъ душой;
Она, какъ Ангелъ милой,
Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливаетъ въ сердце радость.
О скромныхъ взоровъ сладость!

Движеній тишина!
Спыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна!
Рѣчей очарованье!
Безпечность простоты,
И прелесть безъ искусства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты!
Ихъ непостижной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена;
Вкушаешъ сладость рая;
Земное отвергая,
Небеснаго полна.

О другъ! доколѣ младость
Съ мечтами не ушла,
И жизнь не отцвѣла,
Спѣши любови сладость
Невинную вкусить.
Увы! пора любить
Умчится невозвратно!
Тогда — всему конецъ!
Но буйностью развратной
Испорченныхъ сердецъ,
Мой другъ, да не сквернишся!

Твой непорочный жаръ:
Любовь есть Неба даръ!
Въ ней жизни цвѣтъ хранится!
Кто любитъ, тотъ душой
Какъ день весенній ясенъ;
Его любви мечтой
Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ ....
Ахъ! въ мірѣ семъ — она!
Ея святымъ полна
Присутствіемъ Природа;
Съ денницею со свода
Небесъ она летитъ,
Предвѣстникъ наслажденья,
И въ смутномъ пробужденья
Блаженствѣ говоритъ:
Я въ мірѣ! я съ тобою!
Въ тотъ часъ, какъ тишиною
Земля облечена,
Въ молчаніи вселенной
Одна обвороженной
Душѣ она слышна;
Къ устамъ твоимъ она
Касается дыханьемъ;
Ты слышишь съ содраганьемъ
Знакомый звукъ рѣчей;
Задумчивыхъ очей
Встрѣчаешь взоръ пріятной,

И запахъ ароматный
Плѣнительныхъ кудрей
Во грудь твою лiется,
И мыслишь: Ангелъ вьется
Незримый надъ тобой.
При ней — задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремишь къ ней томный взоръ:
Въ немъ сердце вылетаетъ!
Несмѣлъ твой разговоръ;
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей, ни рѣчей;
Задумчивость, молчанье,
И страстное мечтанье —
Языкъ души твоей;
Забыты всѣ желанья;
Безъ чувства, безъ вниманья
Къ тому, что предъ тобой,
Ты одинокъ съ толпой;
Она — въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя;
Съ ней розно — лишь въ унылом
Мечтаньи бытiя
Ты чувство заключаешь;
Всечасно улетаешь
Душою къ тѣмъ краямъ,

Гдѣ ангелъ твой прелестной;
Твое блаженство тамъ,
За синевой небесной,
Въ шуманной сей дали —
Тамъ все, что на земли
И мило и священно,
Вся жизнь, весь жребій твой,
Какъ призракъ оживленной,
Мелькаетъ предъ тобой.
Живешь воспоминаньемъ:
Его очарованьемъ
Преображенный свѣтъ,
Одинъ вездѣ являетъ
Душѣ твоей предметъ.
Заря ли угасаетъ,
Летитъ ли вѣтерокъ
Ошъ дремлющія рощи,
Или покровомъ нощи
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ
И тихихъ рощей сѣни
И темный рядъ холмовъ —
Она передъ тобою!
Съ Природы красотою,
Со всѣмъ въ душѣ слита
Любимая мечта.

Когда воспламененной
Ты мыслію летишь
Къ Правителю вселенной.
Или обѣтъ творишь:
Забыть стезю порока,
При всѣхъ измѣнахъ рока
Быть добрымъ и прямымъ.
И слѣдовать святымъ
Урокамъ и велѣньямъ
И тайнымъ упѣщеньямъ
Лишъ совѣсти одной,
Когда разсудка властью
Торжествовавъ надъ страстью.
Ты выше сталъ душой,
Иль сиротѣ, убитой
Страданіемъ, сокрытой
Благотворилъ рукой —
Кто? кто тогда съ тобой?
Кто чувствивъ твоихъ свидѣтель?
Она!... твой другъ, твоя
Невинность, добродѣтель!
Лишь счастіемъ ея
Ты счастье измѣряешь,
Лишь въ немъ соединяешь
Всѣ блага бытія!
Любовь — себя забвенье!
Ты молишь Провидѣнье,

Чтобъ никогда тоской
Взоръ милый не затмился,
Чтобъ грозный лишь съ тобой
Судъ рока совершился!
Лишь слезы, жертвой быть
За ту, кѣмъ сердце жило,
Погибнувъ, жизни милой
Спокойствіе купить —
Вотъ жребій драгоцѣнный!
О другъ! тогда для насъ
И бѣдствія священны!
И пусть тотъ лучь угасъ,
Которымъ украшался
Путь жизни предъ тобой,
Пускай на вѣкъ съ мечтой
Блаженства ты разстался —
Своихъ лишенный благъ
Ты живъ блаженствомъ милой:
Какъ тихое свѣтило
Оно въ твоихъ глазахъ
Межь тучами играетъ,
И духъ не унываетъ
При сладостныхъ лучахъ!

Простижъ, Поэтъ безцѣнной!
Пускай живутъ съ тобой,

Въ обители смиренной,
Посредственность, покой,
И Музы и Хариты
И Лары домовиты!
Ты къ нимъ любовь питай,
Строй лиру для забавы,
И мимоходомъ Славы
Жилище посѣщай;
И благодать святая
Ея съ тобою будь!
Но, съ Музами играя,
Ты друга не забудь,
Который, отстранившись
Отъ всѣхъ земныхъ хлопотъ,
И матери заботъ,
Фортунѣ поклонившись,
Куда глаза глядятъ,
Идетъ своей тропою
Безпечно за Судьбою.
Хотя и не богатъ
Онъ милостями счастья,
Но Муза отъ ненастья
Дала ему пріютъ:
Туда не забредутъ
Ни хитрости развратна,
Ни свѣта суеты;
Не зная нищеты,

Не знаетъ онъ и злата;
Мечты — его народъ;
Сбираетъ съ нихъ доходъ
Фантазія крылата.
Что ждетъ его въ дали,
О томъ онъ забываетъ:
Давно не довѣряетъ
Онъ счастью на земли.
Но, другъ, кудабъ Судьбою,
Онъ ни былъ приведенъ.
Всегда, вездѣ душою
Онъ будетъ прилѣпленъ
Лишь къ жизни непорочной;
Таковъ къ друзьямъ заочно,
Каковъ и на глазахъ —
Для нихъ стихи кропаетъ,
И быть такимъ желаетъ,
Какимъ въ своихъ стихахъ
Себя изображаетъ!

КЪ ТУРГЕНЕВУ.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПИСЬМО.

(Писано въ 1813 году.)

КЪ ТУРГЕНЕВУ.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПИСЬМО.

Другъ, отъ чего печаленъ голосъ твой?
Отвѣтствуй, братъ! рѣши мое сомнѣнье!
Иль онъ твоей судьбы изображенье?
Иль счастіе простилось и съ тобой?
Съ стѣсненіемъ письмо твое читаю!
Увы! на немъ унынія печать.
Чего не смѣлъ ты ясно мнѣ сказать,
То все, мой другъ, я чувствомъ понимаю!
Такъ! и на твой досталося удѣлъ!
Разрушенъ міръ фантазіи прелестной:
Ты въ наготѣ, другъ милой, жизнь узрѣлъ!
Что въ безднѣ сей таилось, все извѣстно—
И для тебя ужь здѣсь обмана нѣтъ.
И испытавъ, сколь сей измѣнчивъ свѣтъ,
Съ плѣнительнымъ простившись ожиданьемъ

На прошлы дни ты обращаешь взглядъ,
И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ.

О! не бывать минувшему назадъ!
Сколь весело промчалися тѣ годы,
Когда мы всѣ товарищи-друзья
Дѣлили жизнь на лонѣ у Свободы!
Безпечные, мы въ чувствѣ бытія
Что было, есть и будетъ заключали,
Грядущее надеждой украшали —
И радостнымъ оно являлось намъ!
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ Музы собирали?
Нѣтъ и слѣдовъ! изчезло все — и садъ,
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали,
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали!
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ,
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.

Бывало онъ, съ отцемъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ и радость съ нимъ
являлась:
Старикъ при немъ былъ юноша живой;
Его сѣдинъ свобода не чуждалась....
О нѣтъ онъ былъ милѣйшій намъ собратъ;
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями!..
Увы! ихъ нѣтъ!... мы жъ каждый по шро-
памъ
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли,
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: *тамъ!*
Но что? и гдѣ? и кто вожатой къ цѣли?
Въ дали сіялъ плѣнительный призракъ
Насъ тайное къ нему стремленье мчало;
Но опытъ вдругъ накинулъ покрывало
На нашу даль — и тамъ одинъ лишь мракъ!
И вѣрою къ грядущему убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, отставшихъ назади,
На милую фантазію съ мечтами!
Измѣнница! на вѣкъ простилась съ нами,
А все еще твердитъ свое: иди!
Куда идти? что ждетъ насъ въ отдаленьѣ?
Чему еще на свѣтѣ вѣру дать?
И можно ль, другъ, желаніе питать,
Когда для насъ столь бѣдно исполненье?

Мы разными дорогами пошли!
Но чтожъ? куда онѣ насъ привели?
Все къ одному: что счастье заблужденье..
Сравни, сравни себя съ самимъ собой!
Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный?

Бывало все — и солнце за горой,
И запахъ липъ, и чуть шумящи волны,
И шорохъ нивъ струимыхъ вѣтеркомъ,
И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьёмъ,
И пастыря въ долинѣ пѣснь простая —
Веселіемъ всю душу растворяя,
Съ прелестною сливалося мечтой:
Вся жизни даль являлась предъ тобой!
И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
Въ событіе надежду обращалъ!
Природа та жъ!...но гдѣ очарованье?
Ахъ! съ нами, другъ, и прежній міръ пропалъ!

Предъ опытомъ умолкло упованье!
Что въ *онѣ дни* будило радость въ насъ,
То въ насъ теперь унылость пробуждаетъ;
Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ!
О бѣденъ кто себя переживетъ!
Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,

Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый!
Тамъ въ спарину все жило, все цвѣло,
Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели:
Но время все оттолѣ унесло,
И съ милыми веселья улетѣли!
Онъ ихъ зоветъ.... ему отвѣша нѣтъ!
Въ его глазахъ развалины унылы!
Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
Утраченныхъ безмолвныя могилы!

Неси жъ туда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
Спокойнымъ сномъ въ пріютѣ гроба спятъ,
Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы!
Воздвигнемъ, другъ, тамъ памятникъ про-
стой
Ихъ бытія....и скорбной нашей траты!
Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя Надежды!
Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды;
Онъ сѣтовалъ, на вѣкъ теряя свѣтъ —
Гдѣ милаго столь много оставалось —
Что бытіе такъ рано прекращалось!
Но онъ и въ гробъ Мечтой сопровожденъ!
Другой...старикъ!...сколь былъ онъ изум-
ленъ

Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшею главой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!
Онъ не роптalъ! но съ тихою тоской
Смотрѣлъ на прагъ покоя и могилы —
Увы! тамъ ждалъ его сопутникъ милый!
Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой,
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша ми-
мо!
Она прошла....и мы въ сей край незримой
Летимъ душой за милыми во слѣдъ;
Но къ намъ ошъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ!
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье!...
Когдажъ? когда?...другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,
На коемъ насъ свободы геній ждётъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвень-
емъ!
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный
свѣтъ,
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ;
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель;
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губи-
тель!...
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скороль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится —

Но дружба намъ звѣздой отрады будь!
О прочемъ здѣсь останемся безпечны!
Намъ счастья нѣтъ! за то и мы — не вѣ-
чны!

СТАРЦУ ЭВЕРСУ.

14 Августа 1815.

(Писано послѣ праздника, даннаго студентами Дерптскаго Университета).

СТАРЦУ ЭВЕРСУ.

Вступая въ кругъ счастливцевъ молодыхъ,
Я мыслилъ тамъ — на мигъ товарищь ихъ —
Съ веселыми весельемъ подѣлиться,
И юношей блаженствомъ насладиться....
Но въ семъ кругу меня мой Геній ждалъ!
Тамъ Эверсъ мнѣ на братство руку далъ....
Благодарю, хранитель-Провидѣнье!
Могуль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прикоснуть дерзнулъ уста съ лобзаньемъ,
Когда стоялъ ты, старецъ, предо мной
Съ отеческимъ мнѣ счастія желаньемъ!
О старецъ мой, въ прекрасныхъ дняхъ тво-
ихъ
Не пропадетъ и сей прекрасный мигъ,
Величіемъ души запечатлѣнный —
Но для тебя я былъ пришлецъ мгновенный;
Какъ другъ *всего*, и мнѣ ты другомъ былъ;
Ты съ нѣжностью меня благословилъ,
Нечаянно въ сей жизни повстрѣчавши!
Уже отсель ты въ лучшій смотришь свѣтъ,

И мой тебѣ незнаемъ будетъ слѣдъ!
Но я, едва полжизни испышавши,
Едва сошедъ съ предѣла раннихъ лѣтъ
Не съ лучшею, не съ легкою судьбою,
(И можетъ быть, путь долгій предо мною!)
Мысль о тебѣ, о братъ священный мой,
Какъ Божій даръ, возьму на жизнь съ собой!
Братъ Эверса!...такъ! я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цѣну знаю!
Въ семъ имени мой долгъ изображенъ!
Не бѣденъ тотъ, кто счастья не лишенъ:
Предъ добрыми душею согрѣвашься!
Кто мыслію способенъ возвышашься,
Зря благости величественный ликъ!
О! сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
Когда твоя рука мнѣ руку сжала!
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала,
Училищемъ для неба здѣшній свѣтъ!
„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ!
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье!
Прекрасному — *текущее мгновенье!*
Что мрачно *здѣсь*, то будетъ ясно *тамъ!*
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями опъ гроба улетитъ!
Что было въ ней для добраго ушрата,
То жизнь ему другая возвратитъ!“
Вотъ правила для Эверсова брата.

Я зрѣлъ вчера: сходя на край небесъ,
Какъ Божество, насъ солнце покидало;
Свершивъ свой день, прощальной лучь бро-
сало
Оно съ высотъ на холмъ и долъ и лѣсъ,
И, тихой блескъ оставя на закатѣ,
Опъ насъ къ другимъ скапилось небесамъ;...
О! сколько мнѣ красотъ явилось тамъ!
Я вспомянулъ о Небомъ данномъ братѣ,
О *днѣ* его, о ясной тишинѣ
И сладостномъ на *вечерѣ* сіяньи;
Я вспомянулъ о нѣжномъ завѣщаньи,
Оставленномъ въ названьи брата мнѣ —
И мужество мнѣ въ душу пробѣжало!....
Благослови жъ меня, священный другъ!
Что бъ на пути меня ни ожидало,
Отнынѣ мнѣ, какъ благотворный духъ,
Сопутникомъ твое воспоминанье.
Гдѣбъ ни былъ я, мой старецъ-братъ со мной!
Съ моей объ немъ бесѣдуя душой —
Таинственный символъ его завѣта —
Учителемъ отнынѣ будетъ мнѣ:
„Свой здѣшній путь окончить въ тишинѣ!“
И вѣстникомъ прекраснѣйшаго свѣта.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Рис. И. Иванов. Q. Грав. М. Иванов.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ЖУКОВСКАГО.

ЧАСТЬ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

VOGEL

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома 1818 года.

VOGEL

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Августа 21 дня 1817 года.

Цен. Ст. Сов. и Кав. Ив. Тимковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Романсы и Пѣсни.

Стран.

Тоска по миломъ. *Подражаніе Шиллеру* (1808) . . . . . 1.

Мальвина *Съ Французскаго* (1808) . . 3.

Цвѣтокъ. *Съ Французскаго* (1811) . . 5.

Пѣснь Араба надъ могилою коня. *Съ Французскаго* (1810) . . . . . 7.

Добрая мать (1811) . . . . . 11.

Пловецъ (1811) . . . . . 13.

Пѣсня (1810) . . . . . 15.

Пѣсня (1808) . . . . . 17.

Пѣсня. *Подраж. Нѣмец.* (1811) . . . . 19.

Жалоба. *Изъ Шиллера* (1811) . . . . 21.

Пѣвецъ . . . . . 23.

Пушешественникъ. *Изъ Шиллера* (1809) 26.

Сиротка (1813) . . . . . 29.

Желаніе. *Изъ Шиллера* (1811) . . . . 32.

Узникъ ко мотылькy, влетѣвшему въ его шемницу. *Съ Французскаго* (1814) 34.

Элизіумъ. *Изъ Маттисона* (1812) . . . 38.

Мечты. *Изъ Шиллера* (1812) . . . . 41.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Пѣснь Рускому Царю отъ Его воиновъ (1815) . . . . . 45.

Смѣсь.

Славянка (1815) . . . . . 53.
Гимнъ. *Подражаніе Томпсону* (1808) . 67.
Сельское кладбище, элегія. *Изъ Грея* (1801) 77.
Эпитафія . . . . . 87.
Моя богиня. *Подражаніе Гете* (1810) . 89.
Счастіе. *Изъ Шиллера* (1810) . . . . 97.
Теонъ и Эсхинъ (1814) . . . . . 105.
Молитва Рускаго народа (1813) . . . 114.
Къ Делію. *Подражаніе Горацію* (1809) 115.
Къ К. М. С. . . ой . . . . . 117.
Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С.... ой 118.
Къ Тургеневу (1813) . . . . . 120.
Доброй совѣтъ (1814) . . . . . 122.
Дружба . . . . . 124.
На смерть Эрминіи. *Подражаніе* . . 125.
Идиллія. *Подражаніе* (1806) . . . . . 126.
Къ Филону. *Изъ Маттисона* (1813) . 127.
Уединеніе. (Отрывокъ) (1813) . . . . 129.
Сонъ Могольца. *Изъ Лафонтена* (1806) 133.
Отрывокъ изъ посланія къ Князю Вяземскому (1814) . . . . . 136.
Эпимесидъ. *Изъ Парни* (1813) . . . . 139.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Пиршество Александра. *Изъ Драйдена* (1812) . . . . . 145.

Библія. *Подраж. Фонтану* (1814) . . 155.

Аббадона. *Изъ Мессіяды* (1814) . . . 163.

Вечеръ (1806) . . . . . 179.

Пѣвецъ на Кремлѣ . . . . . 187.

РОМАНСЫ

И

ПѢСНИ.

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

Дубрава шумитъ;
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса;
И полночь и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ:

„Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкій удѣлъ!
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ! полно! я щастьемъ мірскимъ наслади-
лась:
Жила, и любила.... и друга лишилась!

„Текипте струёй
Вы, слезы горючи;
Дубравы дремучи,
Тоскуйпте со мной;
Уже не видашь мнѣ веселія дней;
Простилась, простилась я съ жизнью моей;
Мой другъ не воскреснетъ! что было, не будетъ!...
Чтожъ сердце минувшихъ утѣхъ не забудетъ?

„Ахъ скороль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною — Природы
Красы разцвѣтутъ....
Но сладкое щастье не дважды цвѣтетъ!
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ!
Любовь, ты погибла! ты, радость, умчалась!
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась!

МАЛЬВИНА.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты плѣненъ другою,
Мальвина вянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ;
Мнѣ свѣтъ прелестенъ былъ тобою;
Теперь — прости прелестный свѣтъ,
Ахъ! не отринь любви моленья!
Приди... не сердце мнѣ отдать,
Но взоръ потухшій мой приняпь
Въ минуту смертнаго томленья.

Спѣши! спѣши! близка кончина!
Смотри, какъ въ часъ послѣдній свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдомъ, любовью и тоской!
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый и недвижный взглядъ,
Тебѣ, о милый, возвѣстятъ,
Что жизни кончилось страданье.

*

Ахъ! нѣтъ!... когдажъ Мальвины муку
Не услаждаетъ твой приходъ;
Когда хладѣющую руку
Она тебѣ не подаётъ;
Когда забытъ мой другъ единый,
Мой взоръ престалъ его искать,
Душа престала обожать:
Тогда — тогда ужь нѣтъ Мальвины!

Цвѣтокъ.

Минувшая краса полей,
Цвѣтокъ увядшій, одинокой,
Липенъ ты прелести своей
Рукою осени жестокой!

Увы! намъ тотъ же данъ удѣлъ,
И тотъ же рокъ насъ угнетаетъ:
Съ тебя листочикъ облетѣлъ —
Отъ насъ веселье отлетаетъ.

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри.... очарованья нѣтъ!
Звѣзда надежды угасаетъ!...
Увы! кто скажетъ: жизнь иль цвѣтъ
Быстрѣе въ мірѣ исчезаетъ?

ПѢСНЬ АРАБА

НАДЪ МОГИЛОЮ КОНЯ.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ!

О путникъ! со мною страданье дѣли;
Царь быстраго бѣга простертъ на земли;
И воздухомъ брани уже онъ не дышитъ;
И грознаго ржанья пустыня не слышитъ;
Въ стремленьи Погибель его нагнала;
Вонзенная въ выю дрожала стрѣла;
И кровь благородна струею бѣжала;
И влагу потока струя обагряла.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ!

Убійцу сразила моя булава;
На прахъ отдѣленна скатилась глава;
Желѣзо вкусило напитокъ кровавый,
И трупъ истлѣваетъ въ пустынѣ безъ славы....
Но спитъ онъ, со мною летавшій на брань;
Трикраты воззвалъ я: сопутникъ, воспань!
Воззвалъ.... безотвѣтенъ.... угаснула сила....
И бранныя кости одѣла могила!

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ!

Съ того незабвенна погибели дня
И солнце не свѣтитъ съ небесъ для меня;
Забылъ о побѣдѣ, и въ мышцахъ нѣтъ силы;
Брожу одинокій, задумчивъ, унылый;
Іеменя доселѣ драгіе края

Уже не отчизна — могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ!

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мной
Ко древу прохлады, къ струѣ ключевой;
И Мавра топтали могучи копыта;
И грудь отъ пронзивныхъ была мнѣ защита;
Мой вѣрный соратникъ въ бою и трудахъ,
Онъ бодрый при первыхъ денницы лучахъ,
Стрѣлою, покоренъ велѣнію длани,
Лешалъ на свиданья любови и брани.

О другъ! кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Ты спишь — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ!

Ты видѣлъ и Зару — блаженны часы! —
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вѣроломны тебя величали,

И нѣжныя длани хребетъ твой ласкали;
Ахъ! Зара, какъ серна спыдлива была;
Какъ юная пальма долины цвѣла;
Но Зара пришельца плѣнилась красою,
И скрылась.... ты, спутникъ, оспался со мною!

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ!
О спутникъ! тоскуетъ твой другъ надъ тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупѣ воздремлемъ въ жилищѣ отрады;
Надъ нами повѣетъ дыханье прохлады;
И скоро, при глясѣ великаго дня,
Изъ пыльнаго гроба испоргнувъ меня,
Величествен, гордый, съ безсмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься спезёю!

ДОБРАЯ МАТЬ.

Богъ въ міръ ее послалъ
Себѣ на прославленье.
„Будь скорбнымъ Провидѣнье!“
Создавъ ее, сказалъ:
„Кто, счастія лишенъ,
Назвалъ его мечтою,
Да будетъ здѣсь тобою
Съ надеждой примиренъ.“

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвластный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощаетъ,
И снова обрѣтаетъ
Онъ добродѣтель въ ней.

Чтожъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей чудесныхъ?

Двухъ Ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Чтобъ въ сей юдоли слезъ
Ее не покидали,
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла:
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
Не скрывайся! я взывалъ;
Непреклонная сокрылась;
Якорь былъ — и тотъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою;
Всколыхалися валы;
Бездны въ мракѣ предо мною;
Вкругъ ужасныя скалы.
„Нѣтъ надежды на спасенье!“
Я роптalъ, унывъ душой....
О безумецъ! Провидѣнье
Было тайный кормщикъ твой.

Невидимою рукою
Сквозь ревущіе валы,

Сквозь одѣты бездны мглою,
И грозящія скалы,
Мощный велъ меня хранитель!
Вдругъ — все тихо! мракъ исчезъ!
Вижу райскую обитель....
Въ ней шрехъ Ангеловъ небесъ.

О спаситель-Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ.
На колѣнахъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышетъ,
И невинностью святой.

Неиспытанная радость!
Ими жить, для нихъ дышать!
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать!
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить!
Пусть имъ радость — мнѣ страданье!
Но.... не дай ихъ пережить!

ПѢСНЯ.

Счастливъ тотъ, кому забавы,
Игры, Майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы,
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье — какъ и прежде!
Кто на радость лишь глядитъ,
Кто, ввѣряяся надеждѣ,
Птичкой въ слѣдъ за ней летитъ!

Такъ виляетъ по цвѣточкамъ
Златокрылой мотылёкъ;
Лишь къ цвѣтку—прильнулъ къ листочкамъ,
Поднялся — забылъ цвѣтокъ;
Сорвана его лилея —
Онъ летитъ на анемонъ;
Что его, — то и милѣе;
Грусть забвеньемъ лечитъ онъ.

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, Майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы,
И весеннихъ лѣтъ мечты
Не въ веселье — такъ какъ прежде!
Кто улыбку позабылъ,
Кто, сказавъ: прости! надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ!

Для души моей плѣненной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ,
Ароматный, несравненной!
Я сорвать!..но что же Рокъ?
„Не тебѣ имъ насладиться!
Не твоимъ ему доцвѣсть!“
Ахъ! жестокій! чѣмъ же льстишься?
Гдѣ подобный вѣ мірѣ есть?

ПѢСНЯ.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой!
О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой!
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ Природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу — въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.

Беру перо — имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной:
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю;

Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю;
Пріятный звукъ швоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается!
Проснусь — и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь — мнѣ взоръ понятенъ швой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце швой пріемлю гласъ;
Я пью любовь въ швоемъ дыханьѣ....
Воспорги, кто постигнетъ васъ,
Тебя, души очарованье?

Тобой, и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь; —
Тобою чувствую себя!
Въ тебѣ Природѣ удивляюсь;
И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
Чего желать въ толь сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь — ахъ! я любить
Еще спокрапъ желалъ бы болѣ!

ПѢСНЯ.

О милый другъ! теперь съ тобою радость!
А я одинъ — и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья
будь....
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли — ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь!

О милый другъ! намъ Рокъ велѣлъ разлуку;
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ:
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ!
Но и вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ
будь,
Меня, мой другъ, не позабудь!

О милый другъ! пусть будетъ прахъ хо-
лодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ! тамъ мы любить свободны;
Туда моя душа ужъ все перенесла;
Туда всечасное влечетъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять; тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь—
Меня, мой другъ, не позабудь!

ЖАЛОБА.

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ;
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.
„Такъ бѣгутъ лѣта младыя
Невозвратною струей!
Такъ всѣ радости земныя
Цвѣтъ увядшій полевой!

„Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ!
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣтъ;
Я смотрю — и холмъ веселой,
И поля омрачены —
Для души осиротѣлой
Нѣтъ цвѣтущія весны!

Что въ Природѣ, озаренной
Красотою Майскихъ дней?
Есть *одна* во всей вселенной —
Къ *ней* душа, и мысль объ *ней*!
Къ ней стремлю, забывшись, руки —
Милый призракъ прочь летишъ....
Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?“

ПѢВЕЦЪ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами
Дерновый холмъ вы видите-ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя;
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листами;
На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ....
Увы! друзья! сей холмъ — могила!
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла!
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою —
Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ;
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ;
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано вспрѣтилъ онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы....
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый;
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку —
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ!
Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ:

Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!
Теперь всему, всему конецъ!
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь, у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
„О красный міръ, гдѣ я вотще разцвѣлъ,
Прости на вѣкъ! съ обманутой душою
Я счастья ждалъ — мечтамъ конецъ!
Погибло все! умолкни лира!
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!“

„Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межь нимъ и межь собой;
Желать всякъ часъ и трепетать желанья....
О пристань горестныхъ сердецъ,
Могила, вѣрный путь къ покою,
Когда же будетъ взятъ тобою
Бѣдный пѣвецъ?“

И нѣтъ пѣвца!....его не слышно лиры!..
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ;

И все молчитъ.... лишъ тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я;
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой!
Я пошелъ путемъ-дорогой —
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ,
Путь казался не далёкъ.
„Странникъ — слышалось — терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ!

Ты увидишь храмъ чудесной;
Ты въ святилище войдешь;
Тамъ въ нетлѣнности небесной
Все *земное* обрѣтешь!“

Утро вечеромъ смѣнялось;
Вечеръ утру уступалъ:
Неизвѣстное скрывалось;
Я искалъ — не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались мнѣ пучины;
Здѣсь высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною —
Водъ склоненье на воспокъ;
Вижу зыблемый струёю
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньѣ;
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленьѣ;
Все, что мило — мнится — шамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очушился мой челнокъ;
Даль по прежнему въ шуманѣ;
Брегъ невидимъ и далёкъ

И во вѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землёю....
Тамъ не будешь вѣчно *здѣсь!*

СИРОТКА

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома сшала;
Веселье спутникъ дѣтскихъ лѣтъ;
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее грядущее страшило,...
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.
О Ты, святое Провидѣнье!
Въ Твоемъ владѣньи нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ — заблужденье!
Всегда къ добру твой путь ведётъ.
Среди не истовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита;
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье....
На краѣ бездны Провидѣнье
Саружило Слабость съ Нищетой!

О Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты!
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь ты!

И породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой;
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель...,
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ милость въ пристани ждала.
О Ты, святое Провидѣнье!
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣдъ
Творишь изъ гибели спасенье;
Ведешь къ добру спезею бѣдъ.
Играй, дитя! гроза прошла!
Ужасный громъ ударилъ мимо!
Тебя мать *добрая* нашла
На мѣсто матери *родимой*;
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта....
Молись же: чтобъ Творецъ защита
Былъ *той*, кто здѣсь хранитель твой!

Услышь младенца, Провидѣнье!
Прими ее подъ щитъ любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье —
Ея дѣтей благослови!

ЖЕЛАНІЕ.

Озарися долъ туманный!
Разступися мракъ густой!
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Изпещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ....
Ахъ! зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ!

Тамъ поютъ согласны лиры;
(Сладкій голосъ Тишины!)
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны;
Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревахъ;
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.

О предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна!
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!

Полечу туда...напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ!
Предо мной потокъ ужасной
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу....гдѣжъ вожатый?
Ѣдемъ!.... будь, что суждено!...
Паруса ея крылаты
И весло оживлено!
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ!
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей прелестный край чудесъ!

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ,

ВЛЕТѢВШЕМУ ВЪ ЕГО ТЕМНИЦУ.

Откуда ты, эфира житель?
Скажи, нежданый гость небесъ!
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ сію печальную обитель?
Увы денницы милый свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ!

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, съ высоты
Страдальца вздохъ услышалъ ты —
Тебя примчало сожалѣнье!
Увы! убитая тоской
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла;
Надежда ясная влетѣла
Въ темницу къ узнику съ тобой!

Скажи жъ, любимый другъ Природы,
Всѣ тѣже ль неба красоты?

По прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты ль рощи? ясны ль воды?
По прежнему ль въ тиши ночной
Поетъ дубравная пѣвица?
Увы! скажи мнѣ гдѣ денница?
Скажи, что сдѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ!
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
Ее видалъ ли на лугахъ
Въ одушевленномъ хороводѣ?
Ахъ! зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все таже ль тамъ краса Природы?
Все такъ ли тамъ, какъ въ старину?

Весна сихъ сводовъ не видала;
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала;
Не долетаетъ къ симъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно стенанье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ!

Лети жъ, лети къ свободѣ въ поле!
Оставь сей бездны глубину!

Спѣши прожить твою весну —
Другой весны не будетъ болѣ!
Спѣши, творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь веселъ, гость мой легкокрылой,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ....
Быть можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.
Ахъ! естьлибъ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словами;
Сказать: онъ живъ! онъ дышетъ вами!...
Но — ты не можешь говорить!

Увы! хоть крыльями златыми
Моихъ младенцевъ ты прельсти;
По травкѣ тихо полети,
Какъ бы хотѣлъ быть пойманъ ими;
Тебѣ помчатся въ слѣдъ они,
Добычи милыя желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моей темницѣ примани!

Забавъ ихъ зритель равнодушной,
Пойдетъ за ними въ слѣдъ ихъ мать —

Ты будешь путь ихъ услаждать
Своею рѣзвостью воздушной.
Любовь ихъ мой послѣдній щитъ;
Они страдальцу Провидѣнье;
Сирошъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдитъ.

Падутъ желѣзные затворы —
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидятъ взоры!...
Но что?...я цѣпью загремѣлъ!
Сокрылся призракъ - обольститель!
Вспорхнулъ эфирный посѣтитель:
Постой!... но онъ ужь улетѣлъ!

ЭЛИЗІУМЪ.

Роща, гдѣ податель мира,
Добрый геній смерти спитъ;
Гдѣ румяный блескъ эфира
Съ тѣнью зыбкихъ сѣней слитъ;
Гдѣ источника журчанье
Какъ далекій отзывъ лиръ;
Гдѣ Печаль, забывъ рошшанье,
Обрѣшаетъ сладкій миръ:

Съ тайнымъ трепетомъ, смятенна,
Въ упоеніи боговъ,
Для безсмертья возрожденна,
Сбросивъ пепельный покровъ,
Входитъ въ сумракъ твой Психея!
Неприкованна къ землѣ,
Юной жизнью пламенѣя,
Развила она крилѣ.

Полетѣла въ тихомъ свѣтѣ,
Съ обновленною красой,

Въ долъ туманный, въ тайной Лешѣ;
Мнилось, легкою рукой
Геній влекъ ее незримый;
Видитъ мирные луга;
Видитъ Летою кропимы
Очарованны брега.

Въ ней надежда, ожиданье;
Наклонилася къ водамъ,
Усмиряющимъ страданье....
Ликъ простерся по струямъ!
Такъ безоблаченъ играетъ
Въ морѣ мѣсяцъ молодой;
Такъ въ источникѣ сверкаетъ
Факелъ Геспера златой.

Лишъ фіялъ воды забвенья
Поднесла къ устамъ она —
Дней минувшихъ привидѣнья
Скрылись легкой тѣнью сна.
Заблистала, полетѣла
Къ очарованнымъ холмамъ,
Гдѣ журчатъ, какъ Филомела,
Свѣтлы воды по цвѣтамъ,

Все въ торжественномъ молчаньѣ!
Припаились вѣтерки;

Лавровъ стихло трепетанье;
Спятъ на розахъ мотыльки.
Такъ молчало все твореньe —
Море, воздухъ, берегъ дикъ —
Зря пѣнистыхъ водъ рожденье
Анадіомены ликъ.

Всюду яркій блескъ Авроры!
Никогда такой красой
Не сіяли рощи, горы,
Обновленныя весной;
Мирты съ зыбкими листами
Тонутъ въ пурпурныхъ лучахъ;
Розы свѣтлыми звѣздами
Отразилися въ водахъ.

Такъ волшебный лучъ Селены
Въ лѣсъ Карійскій проникалъ,
Гдѣ, ловишвой утомленный,
Сладко другъ Діаны спалъ;
Какъ струи лѣнивой ропотъ,
Какъ воздушной арфы звонъ,
Разливался въ лѣсѣ шопотъ:
Пробудись, Эндиміонъ!

МЕЧТЫ.

Почто такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, постой!
О дней моихъ весна златая,
Постой!... тебѣ возврата нѣтъ!...
Летитъ, молитвѣ не внимая;
И все за ней помчалось въ слѣдъ.

О! гдѣ ты, лучь, путеводишель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, Надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужь нѣтъ ее, сей вѣры милой
Къ твореньямъ пламенной мечты!...
Добыча истинѣ унылой
Призраковъ прежнихъ красоты!

Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ
И мраморъ внялъ любви стенанье,
И мертвый былъ одушевлёнъ:

Такъ пламенно объяпіа мною
Природа хладная была,
И полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ:
Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.
Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало
Пылающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь:
Картиной, звукомъ, выраженьемъ
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытой,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ....
Но ахъ! сколь мало въ немъ развито!
И малое — сколь бѣдный цвѣтъ!

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою,
Волшебнымъ очарованъ сномъ,
Забытъ несвязанный уздою,
Я жизни полетѣлъ путёмъ!

Желанье было — исполненье;
Успѣхъ ошвагу пламениль;
Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крылъ!

И быстро Жизни колесница
Стезею младости текла!
Ее воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ Счастіе ключемъ,
И Слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ Истина лучемъ.

Но ахъ!... еще съ полудороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги....
За роемъ въ слѣдъ умчался рой!
Украдкой Счастіе сокрылось;
Измѣной Знаніе ушло;
Сомнѣнья тучей обложилось
Священной Истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный славу похищалъ;
И быстро съ быстрою весною
Прелесшный цвѣшъ любви увялъ;

И все пустынно, тихо стало
Окрестъ меня и предо мной;
Едва Надежды лишь сіяло
Свѣтило надъ моей тропой.

Но ктожъ изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
Мой до могилы провожатой,
Участникъ радостей и бѣдъ?...
Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты, Дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ!

И ты, товарищь мой любимый;
Души хранитель, какъ она:
Другъ вѣрный, Трудъ неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творишь, не разрушая,
Миришь печальнаго съ судьбой,
И силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

ПѢСНЬ

РУСКОМУ ЦАРЮ

ОТЪ ЕГО ВОИНОВЪ.

ПѢСНЬ

РУССКОМУ ЦАРЮ

ОТЪ ЕГО ВОИНОВЪ.

Гряди, нашъ ЦАРЬ! Твоя дружина
Благословляетъ Твой возвратъ!
Вселенной рѣшена судьбина,
И низпровергнутъ сопостатъ!
Гряди, гряди къ странѣ Своей,
Нашъ ЦАРЬ, нашъ славный Вождь Царей!

Къ Его стопамъ мечи кровавы!
Къ Его стопамъ и шлемъ и щитъ!
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ!
Ему вѣнцы готовыпе въ дань —
Рѣшившему святую брань!

Нашъ ЦАРЬ, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли!
Се громъ, Твоей свершитель мести!
Се знамена еще въ пыли!
Се нашей вѣрности олтарь!
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и Царь!

Младый Наслѣдникъ полвселенны —
Межъ насъ впервой Ты мечь пріялъ!
Нашъ ЦАРЬ — ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ!
Нашъ Вождь — Ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣшенье врагамъ!

Скажижъ, о Вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась —
Ее отбилъ нашъ твердый строй!
Намъ взоръ ЦАРЯ, какъ Божій лучь,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучь!....

Ко мщенью Ты воззвалъ народы!
Ты спасъ владычество Царямъ!
Ты знамена святой Свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ!
И Твой покрылъ вселенну щитъ!
И Брань окованна молчитъ!

Отъ Немана до Океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ!
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь Твои орлы парятъ!
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На Брань и Бунтъ наводитъ страхъ.

Но кто на Русь Твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ Твоимъ!
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ
И Сѣверъ грянетъ въ слѣдъ за нимъ;
И казни вѣстникъ, грозный Страхъ
Враговъ смятетъ, какъ дымъ и прахъ!

Гряди, нашъ ЦАРЬ! Твоя дружина
Благословляетъ Твой возвратъ!
Вселенной рѣшена судьбина,
И низпровергнутъ сопостатъ!
Гряди, гряди къ странѣ Своей
Нашъ ЦАРЬ, нашъ славный Вождь Царей!

СМѢСЬ.

СЛАВЯНКА.

Славянка рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются нѣкоторые виды ея береговъ и въ особенности два памятника, произведеніе знаменитаго Марпоса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ Государынею Вдовствующею Императрицею въ честь покойнаго Императора ПАВЛА. Въ уединенномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на ней медальонъ съ изображеніемъ ПАВЛА; передъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ Царской; на пьедесталѣ барельефъ, въ коемъ изображено семейство Императорское: Государь АЛЕКСАНДРЪ представленъ сидящимъ; голова Его склонилась на правую руку; а лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ двуглавый орелъ; въ облакахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса; другая летитъ съ небесъ, на встрѣчу первой. — Спустясь къ рѣкѣ Славянкѣ (сливающейся передъ самымъ дворцомъ въ небольшее озеро) находимъ молодую березовую рощу: эта роща называется *Семейственною*, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое нибудь радостное произшествіе въ Высокомъ Семействѣ Царскомъ. Посреди рощи стоитъ уединенная *урна Судьбы*. Далѣе: на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревъ, воздвигнутъ прекрасный памятникъ Великой Княгинѣ АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВНѢ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ и безвременный конецъ Ея: вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное; Она готова покинуть міръ сей; Она еще не улетѣла, но душа Ея смиренно покорилась призывающему Ее гласу; и взоры и рука Ея, подъятыя къ небесамъ, какъ будто говорятъ: *да будетъ воля твоя*

Жизнь, въ видѣ юнаго Генія, простирается у Ея ногъ и хочетъ удержать летящую; но Она ее не замѣчаетъ Она повинуется одному Небу — и уже надъ головой Ея сіяетъ звѣзда новой жизни.

СЛАВЯНКА.

Славянка шихая, сколь шокъ пріятенъ твой,
Когда, въ осенній день, въ твои глядятся воды
Холмы, одѣтые послѣднею красой
Полуотцвѣтшія Природы!

Спѣшу къ твоимъ брегамъ.... сводъ неба
шихъ и чистъ;
При свѣтѣ солнечномъ прохлада повѣваетъ;
Послѣдній запахъ свой, осыпавшійся листъ
Съ осѣнней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею излучистой тропой;
Что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ кар-
шина!
То вдругъ, сквозь чащу древъ, мелькаетъ пре-
до мной!
Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина;

То вдругъ исчезло все...окрестъ сгустился
лѣсъ;
Все дико вкругъ меня! И сумракъ и молчанье!
Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ
древесъ
Прокравшись, дневное сіянье

Верьхи поблеклые и корни золотитъ;
Лишь, сорванъ вѣтерка минутнымъ дуно-
веньемъ,
На сумракѣ листокъ трепещущій блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ....

И вдругъ пустынный храмъ въ глуши пере-
до мной;
Заглохшая тропа; кругомъ кусты сѣдые;
Между багряныхъ липъ чернѣетъ дубъ гу-
стой
И дремлютъ ели гробовые.

Воспоминанье здѣсь унылое живетъ!
Здѣсь, къ урнѣ преклонясь задумчивой гла-
вою,
Оно бесѣдуетъ о скорби прошлыхъ лѣтъ
Съ неизмѣняющей Мечтою!

Все къ размышленью здѣсь влечетъ неволь-
но насъ!
Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно-минувшаго внимаетъ!

Сей храмъ, сей темный сводъ, сей тихій ма-
взолей,

Сей факелъ гаснущій и долу обращенный
Все здѣсь свидѣпель намъ, сколь блага на-
шихъ дней,
Сколь всѣ величія мгновенны!

И нечувствительно съ превратности мечтой
Дружится здѣсь мечта безсмертія и славы;
Сей випязь, на руку склонившійся главой;
Сей громоносецъ двоеглавый

Подъ туйцей твердою сѣдящій на щитѣ;
Сія печальная семья кругомъ Царицы;
Сіи небесные друзья на высотѣ,
Младые спутники денницы....

О! сколь они, въ виду сей урны гробовой,
Для унывающей души краснорѣчивы:
Тоскуя ль полетишъ она за край земной —
Тамъ всѣ упраченные живы!

Къ землѣ ль наклонишъ взоръ — великій рядъ
чудесъ:
Борьба за честь; народъ, покрышный блес-
комъ славнымъ;

И міръ, воскреснувшій по манію небесъ,
Спокойный подъ щитомъ державнымъ!

Но вкругъ меня опять свѣтлѣетъ частый лѣсъ,
Опять рѣка въ дали мелькаетъ средь долины;
То въ свѣтѣ, то въ тѣни, то въ ней лазурь небесъ,
То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной:
Тамъ мыза блескомъ дня подъ рощей озаренна.
Спокойное село надъ ясною рѣкой,
Гумно и нива обнаженна.
Все здѣсь оживлено: съ овиновъ дымъ сѣдой
Клубяся по броздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ цѣповъ;
Тамъ пѣсня пастуха и шумъ отъ стадъ бѣгущихъ,

Тамъ медлѣнно, скрыпя, тащится рядъ во-
зовъ,
Тяжелый грузъ сноповъ везущихъ.

Но солнце катится беззнойное съ небесъ;
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ;
Завѣсой огненной подернутъ дальній лѣсъ;
Воспокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ долъ къ рѣкѣ: брегъ теменъ
надо мной,
И на воды легли деревъ кудрявыхъ тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный за-
рёй;
Въ волнахъ блестятъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей;
То холмъ муравчатый, увѣнчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими вѣтвьями,

Сѣнистую главу купаетъ въ ихъ струяхъ.
Здѣсь храмъ между березъ и тополей мель-
каетъ;
Тамъ лебедь, пришаясь у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ;

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка!
Сколь здѣсь ея бреговь плѣнительна картина!
Въ лазоревый кристаллъ сліясь вкругъ челнока,
Яснѣетъ водъ ея равнина;

Но гаснетъ день,... въ тѣни склонился лѣсъ къ водамъ,
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряной полосою;

Лишъ ярко заревомъ восточный брегъ облипъ,
И пышный домъ Царей на скатѣ озлащенномъ,
Какъ исполинъ, глядясь въ зерцало водъ,
блеститъ
Въ величіи уединенномъ.

Но вечеръ на него покровъ накинулъ свой;
И рощи и брега, смѣшавшись, поблѣднѣли;
Послѣдни облака, блиставшія зарей
Съ небесъ, попухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина!
Все спишь!... лишь изрѣдка въ далекой тьмѣ
промчится
Невнятный гласъ.... или колыхнется
волна....
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на брегу одинъ.... окрестность вся молчитъ!...
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою!

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ:
Какъ бы эѳирное тамъ вѣетъ межь листовъ
Какъ бы невидимое дышитъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою!

И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ;

И, мнится, на меня вперилъ онъ тем ны очи
Безъ образа лице; и зракъ туманный слитъ
Съ шуманнымъ мракомъ полуночи!

Смотрю.... и, мнится, все, что было жер-
твой лѣтъ
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней
нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ!

Но гдѣ онъ?... скрылось все!,.. лишъ толь-
ко въ тишинѣ
Какъ бы знакомое мнѣ слышится призванье,
Какъ будто Геній мнѣ судьбу указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье!

О! кто ты, тайный вождь? душа тебѣ во
слѣдъ!
Скажи: безсмертный ли предѣлсвъ сихъ хра-
нитель,
Иль гость минутный ихъ? Скажи: земной
ли свѣтъ,
Иль небеса твоя обитель?..,

И Ангелъ отъ земли въ сіяньи предо мной
Взлетаетъ! на лицѣ величіе смиренья;

Взоръ къ небу устремленъ; надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья!

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ!
Младая Жизнь въ слезахъ простерта предъ
тобою!....
Но гдѣ я?... все вокругъ молчитъ.... при-
зракъ исчезъ,
И небеса покрыты мглою!

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей:
Какъ будто міръ земной въ ничто преобра-
тился!
Какъ будто та страна знакомѣй стала ей,
Куда сей чистый Ангелъ скрылся!

ГИМНЪ.

ГИМНЪ.

О Богъ намъ гласитъ временъ круго-
вращенье!
О благости Его исполненный Имъ годъ!
Творецъ! весна Твоей любви изображенье:
Воскреснули поля; цвѣтетъ лазурный сводъ;
Веселые холмы одѣты красотою,
И сердце расшворилъ желаній тихій жаръ!
Ты въ лѣтѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
То, мирный, благостный, несешь намъ зрѣ-
лость въ даръ,
То намъ благотворишь, сокрытый тучь гро-
мадой!
И въ полдень пламенный и ночи въ тихій
часъ,
Съ дыханіемъ дубравъ, источниковъ съ про-
хладой
Не Твой ли къ намъ летитъ любови полный
гласъ?
Ты въ осень общій пиръ готовишь для тво-
ренья!

И въ зиму, гнѣвный Богъ, на бурныхъ облаkахъ,
Во ужасъ облеченъ, съ грозой опустошенья,
Паришь, погибельный.... какъ дольный гонишь прахъ
И вьюгу, и мяшель, и вихорь предъ Собою!
Въ развалинахъ земля! Природы страшенъ видъ!
И міръ, оцѣпенѣвъ предъ Сильнаго рукою,
Хвалебнымъ трепешомъ Творца благовѣсшитъ!

О таинственный кругъ! какимъ закономъ сила
Сліяла здѣсь красу съ чудесной простотой,
Съ великолѣпіемъ пріятность согласила,
Со тьмою дивный свѣтъ, съ движеніемъ покой,
Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненье?
Почтожъ ты, человѣкъ, слѣпецъ среди чудесъ?
Признай окрестъ себя Руки напечатлѣнье,
Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ,
И строемъ мирныхъ сферъ изъ тьмы недостижимой!
Она весной красу низводитъ на поля,
Ей жертва дымъ горы, перунами дробимой
Предъ Нею въ трепешѣ веселія земля!

Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой гласъ,
созданье
Да грянешъ ваша пѣснь Чудеснаго дѣламъ!
Сліянные въ хвалу, сліянны въ обожанье,
Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огромный!
храмъ!...
Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью
лѣса,
Порхая по листамъ, душистый вѣперокъ!
Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы ущеса
На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
Его привѣтствуйте таинственною мглою;
О Немъ благовѣсти, крылатыхъ бурей
свистъ,
Когда трепещетъ брегъ, терзаемый волною,
И сорванный съ лѣсовъ крутится клубомъ
листъ!
Ручей, невидимо журчащій подъ дубравой,
Съ лѣсистой крутизны ревущій водопадъ,
Рѣка, блестящая средь дебрей величаво,
Кристалломъ отразивъ на брегѣ пышный
градъ,
И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
Гремите пѣснь Тому, чей бурь звучнѣйшій
гласъ
Велитъ — и зыбь горой! велитъ — и зыбь
равнина!
Вы, злаки, вы, цвѣты, лѣси къ Нему отъ васъ

Хвалебное съ полей, съ луговъ благоуханье:
Онъ далъ вамъ аромать, Онъ васъ кропитъ
росой,
Изъ радужныхъ лучей сошкалъ вамъ одѣянье!
Предъ Нимъ ушихни, долъ! поникни, боръ,
главой!
И, жатва, трепещи на нивѣ оживленной,
Плѣняя шорохомъ мечтателя своимъ,
Когда онъ, при лунѣ, вдоль рощи осребрен-
ной,
Идетъ, задумчивый, и тѣнь во слѣдъ за нимъ!
Луна, по облакамъ разлей струи златыя,
Когда и дебрь, и холмъ, и лѣсъ въ туманѣ
спятъ!
Созвѣздій ликъ, сіяй средь тверди голубыя,
Когда струнами лиръ превыспреннихъ зву-
чатъ
Возпламененные любовью Серафимы!
И ты, свѣтило дня, смиритель бурныхъ
тучъ,
Будь щедростію ликъ Творца боготвори-
мый!
Ему живописуй хвалу твой каждый лучь!...
Се громъ!... Владыки гласъ!.... безмолв-
спвуй, міръ смятенный!
Внуши!... изъ края въ край по тучамъ гулъ
гремитъ!
Разрушена скала! дымится дубъ сраженный!

И гимнъ торжественный чрезъ дебри въ даль
парилъ!...
Утихъ!.. красуйся, лугъ!.... привѣтственное пѣнье,
Изникни изъ лѣсовъ! и ты, любовь весны—
Лишь полночь принесетъ пернатымъ усыпленье,
И тихій отъ холма возстанетъ рогъ луны—
Воркуй подъ сѣнію дубравной, Филомела!
А ты, глава земли, творенія краса,
Наслѣдникъ Ангеловъ безсмертнаго удѣла,
Сочти безчисленны созданья чудеса,
И въ горнее пари, хвалой воспламененный!
Сердца, сліянны въ пѣснь, летите къ небесамъ!
Да грады возшумятъ, мольбами оглашенны!
Да въ храмахъ съ олтарей возсіянетъ ѳиміамъ!
Да грянутъ съ звономъ лиръ и съ ликами органы!
Да въ селахъ, по горамъ и въ сумракѣ лѣсовъ,
И пастыря свирѣль, и юныхъ дѣвъ тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Единъ составятъ гимнъ и гулъ отгрянетъ: слава
Будь, каждый звукъ, хвала! будь, каждый холмъ, олтарь!

Будь храмомъ, каждая тѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ приро-
ды Царь
И вѣютъ въ вѣшеркахъ душистыхъ Сера-
фимы,
И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣть вѣтвей древесныхъ
зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы
льётъ!

А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О Неиспытанный! мой пламень предъ То-
бою!
Кудабъ ни привела рука Твоей судьбы,
Найду ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ
кругу,—
Тебя, и въ знойный день, покрытый рощи
тѣнью,
И въ ночь, задумчивый потока на брегу,
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,
Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напечатлѣлъ
Отчаянья клеймо на лицахъ искаженныхъ,
Кудабъ, влекомъ Тобой, съ отрадой я летѣлъ,
И въ часъ торжественный полночнаго ви-
дѣнья,

Какъ струны, пробудясь, отвѣствуютъ перстамъ,
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣснопѣнья —
Тебя велю искать и сердцу и очамъ!
Посшигнешь ли меня гоненія рукою —
Тебяжъ благословитъ тоски молящій гласъ!
Тебя же обрѣпу подъ грозной жизни мглою!
Ахъ! скоро ль прилетитъ послѣдній, скорбный часъ,
Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣденія тѣнь!
Откройся, тайный брегъ, утраченныхъ обители!
Откройся, мирная, отеческая сѣнь!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

(Посвящена Андрею Ивановичу Тургеневу).

Уже блѣднѣешъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ покойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ;
Повсюду тишина! повсюду мертвый сонъ!
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ!

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Сей башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсивгись, шумятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
На вѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы шихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣпуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не воззоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И чада нѣжныя, приходъ ихъ упреждая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогова дѣламъ:

На всѣхъ ярится смерть — Царя, любимца
славы,
Всѣхъ ищетъ розная.... и нѣкогда найдетъ!
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величія ко гробу насъ ведетъ!

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны!
Напрасно сіящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ непышны и забвенны,
Что лесть ихъ олтарей не мыслитъ воздвигать!

Вотще надъ мертвыми исплевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами —
Угасшій пепелъ нашъ они не воспаляютъ.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою!
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мрамарной доскою!
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ!

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою та-
ится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣз-
дится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями па-
рить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣ-
ками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою Нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокро-
венной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой!
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гамп-
денъ надменный,
Защитникъ сельскихъ правъ, тиранства
смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагрен-
ный;
Или Мильтонъ нѣмый, безъ славы скрытый
въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирашь,
Дабы обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —

Сего имъ не далъ рокъ! но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ!
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запрешилъ;

Таишь въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости теряшь,
И раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящашь!

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли пропинкою своей.

И днесь спокойно спятъ подъ сѣнью гро-
бовою —
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ
густыхъ,
Съ непышной надписью, и рѣзбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ
ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохра-
нила,
Ихъ лѣпа, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не
плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣешся друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, на вѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей
слышитъ

Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ!

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный!
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой!
И къ гробу твоему тоскою заведенный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
„Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить!

„Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

„Не рѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами —

МОЯ БОГИНЯ.

МОЯ БОГИНЯ.

Какую безсмертную
Вѣнчать предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣзднаго?
Не спорю съ пишомцами
Разборчивой Мудросши,
Учеными, строгими!
Но свѣжей гирляндою
Вѣнчаю веселую,
Крылашую, милую,
Всегда разновидную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову.
Богиню-Фантазію,
Ей далъ онъ шѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣзднаго,
Съ амврозіей, съ нектаромъ,
Подъ часъ утѣшается
Отъ скуки безсмертія;
Лелѣя съ усмѣшкою

На персяхъ родимпельскихъ.
Ее величаетъ онъ:
Богинею - радостью!
То въ упреннемъ вѣяньи
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,
Сошканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ упреннимъ
Малиновкой носишся;
На ландышь, на лилію
На цвѣтъ - незабудочку,
На травку дубравную
Спускаешся пчелкою;
Устами пчелиными
Впиваяся въ листики,
Пьетъ росу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ унынie,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ
И смотритъ въ мечтанiи
На море пустынное,
И любитъ прислушиватъ,

Какъ волны плескаются,
О камни дробимыя,
И внемлетъ задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣнолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера
(Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ,
И, сливши дрожащій лучь
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ и лѣсъ и долъ
Туманнымъ сіяніемъ)
Играетъ съ Наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго топота,
Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ;
Иль быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ

Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми;
Иль съ сонмами геніевъ
Воздушною цѣпію
Віясь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидима, видима,
По облакамъ носится
И, къ рощѣ спустившися,
Играетъ листочками
Осины препещущей.
Прославимъ Создателя
Могущаго, древняго,
Зевеса, пославшаго
Намъ радость-Фантазію!
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямыя — лучь молніи,
Онъ далъ намъ въ ней счастіе,
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,
Красой вѣчно-юную,
И съ нею насъ цѣпію
Сопрягъ нераздѣльною!
„Да будешь, сказалъ онъ ей —
И въ счастьи, и въ горести,

Имъ вѣрная спутница,
Ушѣха, прибѣжище! “

Другія творенія,
Съ очами незрящими,
Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
Съ печалями смутными,
Гнетомыя бременемъ
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
Въ кругу, ограниченномъ
Чертой настоящаго,
Минутною жизнію;
Но мы, отличенные
Зевесовой благостью!...
Онъ далъ намъ сопутницу,
Игривую, нѣжную,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу рѣзвую,
Любимую дщерь свою
Богиню-Фантазію!
Ласкайте прелестную;
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ;
Пускай почитается

Надъ вами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтобъ вотчину старому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку, не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками!
Я знаю сестру ея
Степенную, тихую!...
Мой другъ упѣшительной!
Тогда лишь проснись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучь жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,
Намъ твердость и мужество,
И силу дающая,
Надежда отрадная!...

СЧАСТІЕ.

СЧАСТІЕ.

Блаженъ, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемь!
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца!
Великій, божественный жребій счастливца посшигнулъ!
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ!
Любимецъ Харишы, плѣняешъ, труда не пріемля!
Великимъ да будетъ, кто, собственной силы созданье,
Душею превыше и тайныя Парки и Рока!
Но счастье и Грацій улыбка не силѣ подвластны!
Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ небомъ нисходишъ!

Какъ сердце любовницы, полное тайныя страсти,
Такъ всѣ громовержца дары не подкупны!
Единый
Законъ предпочтенья въ жилищахъ Эрота и Зевса!
И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу!
Имъ милы безстрашнаго юноши гордая поступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣлаго полный,
И волны власовъ, опѣнившихъ чело и ланиты!
Веселому чувствовать радость! слѣпымъ, а не зрящимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя открываютъ!
Имъ милъ простоты непорочныя дѣвственный образъ!
И въ скромномъ сосудѣ небесное любитъ скрываться!
Презрѣньемъ надежду кичливой гордыни смиряютъ;
Свободные, силѣ и гласу мольбы не подвластны.
Лишь къ избраннымъ съ неба орлу-громоносцу Кроніонъ

Велишъ ниспускаться — да мчитъ ихъ въ
обитель Олимпа!
Свободно въ толпѣ земнородныхъ замѣшивъ
любимцевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою при-
спрастной
То лавръ пѣснопѣвца, то власти державной
повязку!
Лишь имъ предлетишъ звучащій на арфѣ
сразитель Пиѳона,
Лишь имъ и Эрошъ злашокрылый, сердецъ
повелитель!
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющій
бездны,
Ведешъ съ неприступной фортуною Кесаря
къ брегу,
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ
изъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей гони-
мыхъ, изъемлешъ.
Надъ всемъ красота повелитель рожденный!
подобіе Бога,
Единымъ спокойнымъ явленьемъ она побѣж-
даетъ!
Не сѣтуй, что боги счастливца некуплен-
нымъ лавромъ вѣнчаютъ,
Что онъ, опъ меча и стрѣлы покровенный
Кипридой,

Исходитъ безвредно изъ битвы, летя на-
сладится любовью!
И менѣель славы Ахиллу, что онъ ополченъ
невредимымъ
Щитомъ, искованьемъ Гефестова дивнаго
млата,
Что смертный единый все древнее небо въ
смятенье приводитъ?
Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ
въ союзѣ!
Что, гнѣвомъ его распаленны, любимцу во
славу,
Гелленовъ избраннѣйшихъ въ бездну Тена-
ра низводятъ!
Пусть будетъ красою краса — не завидуй,
что прелесть ей съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги
Цитерой!
Пусть будетъ блаженна, плѣняя! плѣняйся —
тебѣ наслажденье!
Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа
на избранныхъ сходитъ!
Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ невиди-
мой арфы наполненъ;
Скрывающій Бога въ душѣ, превворенъ и
для внемлющихъ въ Бога!
Онъ счастливъ собою — ты, имъ наслажда-
ясь, блаженствуй!

Пускай предъ зерцаломъ Ѳемиды вѣнокъ отдается заслугѣ,
Но радость лишь боги на смертное око низводятъ!
Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искашь и счастливца!
Все смертное прежде родится, растетъ, созрѣваетъ,
Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ Крономъ,
Но счастія мы и красы въ созрѣваньи не видимъ!
Опъ вѣка онѣ совершенны во всемъ совершенствѣ созданья!
Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ прежде небесной,
Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ обителей моря!
Какъ древле Минерва, въ безсмертный эгидъ и шеломъ ополченна,
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы громовержца родится.

ТЕОНЪ

и

ЭСХИНЪ.

ТЕОНЪ

и

ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ —
Но счастье, какъ пѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужь взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость!...

Все тѣжъ берега и поля и холмы!
И то же прекрасное небо!
Но гдѣжъ озарявшая, нѣкогда, ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.

Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близь мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ —
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовой блескъ,
И мирты окресшны алѣли;

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не въ дали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкой ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море —
Вдругъ видитъ Эсхина, и въ мигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина,

И взглядъ на него любопытный вперилъ —
Лице его скорбно и мрачно;
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ —
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

— Когда я съ тобой рззлучался, Теонъ!
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель!

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не тужель судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ?—

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ....
„Эсхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна!

„О нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны!
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ
мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство!

„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, что на свѣтѣ не наше!
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей —

„Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта!
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ!
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала!

„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли!

„Увы! я любилъ.... и ее уже нѣтъ!
Но счастье, въ двоемъ столь живое,
На вѣкиль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

„О нѣтъ! никогда ни погибнетъ ихъ слѣдъ!
Для сердца прошедшее вѣчно!
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь!
Надъ сердцемъ утрата безсильна!

„И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?

„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ!
Уже одинокимъ не будетъ!...
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же! все *ею* онъ полонъ!

„По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился въ двоемъ —
Сихъ узъ не разрушитъ могила!

„Сей мыслью высокой украшена жизнь!
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье!

„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни!
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры!

„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна!
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душею!

„А этотъ безмолвный, таинственный гробъ....
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель
Что лучшее жизни еще въ переди,
Что *вѣрно* желанное будетъ!

„Сей гробъ затворенная къ счастію дверь!
Отворится....жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

„О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ!
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои —
Ты жизнь презирать научился!

„Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ
и свѣтъ!
Дай руку! близь вѣрнаго друга,
Съ Природой и жизнью опять примирись!
О! вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

„Все небо намъ дало, мой другъ, съ бы-
тіемъ!
Все въ жизни къ великому средство!
И горесть и радость — все къ цѣли одной!
Хвала жизнодавцу-Зевесу!“

МОЛИТВА
РУСКАГО НАРОДА.

Боже, ЦАРЯ храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ ушѣшителю —
Все ниспошли!

КЪ ДЕЛІЮ.

Умѣренъ, Делій, будь въ печали
И въ счастіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ!
Хотябъ заботы насъ томили,
Хотябъ Токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили—
Умремъ! такъ Діемъ суждено!
Несижъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвій соплетаютъ кровъ,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ береговъ,
Вино, и масти аромашны,
И розы, дышущія мигъ!
О Делій! годы невозвратны!
Играй—пока нитъ дней твоихъ
У черной Парки подъ перстами!
Ударитъ часъ—всему конецъ!
Тогда, простри и лугъ съ стадами,
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порой,

И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
Вокругъ дерноваго стола,
Спустимъ стаканами въ стаканы,
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье!
Играй! таковъ есть мой совѣтъ!
Не годы жизнь, а наслажденье!
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ,
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ, по-
комъ
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ;
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ
Какъ добрый, но *нежданый* другъ!

КЪ М. С....ой.

Протекшихъ радостей уже не воротить!
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье!
Уже ли все мечта? напрасноль слезы лить?
Уже ли наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ нѣтъ! мой милый другъ, не будемъ безнадежны!
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный!
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ!
Незримая Рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями!
Блаженство наша *цѣль; когда* мы къ ней придемъ —
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но раноль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ Небо одарило!

СТИХИ,

ВЫРѢЗАННЫЕ НА ГРОБѢ

А. Ѳ. С . . . ой.

О! вы, которые, въ молитвахъ и слезахъ,
Тѣснились вкругъ моей страдальческой по-
стели,
Которые меня въ борьбѣ съ недугомъ зрѣли,
О дѣти, о друзья! на мой спокойный прахъ
Придите усладить разлуку утѣшеньемъ!
Въ семъ гробѣ тишина; мой спящій взоръ
закрытъ;
Мой ликъ не омраченъ ни скорбью, ни му-
ченьемъ,
И жизни тяжкій крестъ меня не бреме-
нитъ.
Спокойтесь, зря мою послѣднюю обители;
Да мой достигнетъ къ вамъ изъ гроба ти-
хій гласъ:

Да будетъ онъ моимъ любезнымъ утѣши-
шель!
Открыто мнѣ теперь все, тайное для васъ!
Стремишесь мнѣ во слѣдъ съ сердечнымъ
упованьемъ,
Хранимы Промысла невидимой рукой:
Онъ съ жизнью насъ миришъ безсмертья
воздаяньемъ!
За гробомъ, милые, вы свидитесь со мной!

КЪ ТУРГЕНЕВУ

ВЪ ОТВѢТЪ НА СТИХИ, ПРИСЛАННЫЕ ИМЪ ВМѢСТО ПИСЬМА:

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!

Въ день счастья вспомнишь о тебѣ!
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ повѣрять судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когдабъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась,
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась —
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!
Нѣтъ! нѣтъ! мой братъ, мой другъ-храни-
тель,
Воспоминаніемъ инымъ
Плачу тебѣ! я вѣчно съ нимъ!
Оно мой вѣрный утѣшитель!

Во дни печали ты со мной!
И ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презираю!
О! чтобы ни было — я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсти,
Куда любовь свою принести,
И гдѣ любовь не измѣнится,
И гдѣ нѣжнѣйшее хранится
Участіе въ судьбѣ моей!
Дождусь иль нѣтъ счастливыхъ дней —
О томъ, мой милый другъ, ни слова!
Какимъ бы я ни шелъ путемъ —
Все ты мнѣ спутникомъ-вождемъ!
Со мной до камня гробового,
Не измѣняясь, иди!
Одна мольба: не упреди!

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ В. А. АЗБУКИНУ).

Любовь, надежда и терпѣнье!
На жизнь порядочный запасъ!
Впередъ безъ страха! въ доброй часъ!
За все порука Провидѣнье!

Блаженъ, кому *Любовь* во слѣдъ!
Она въ веселье жизнь вливаетъ,
И счастья радугу являетъ
На самой грозной тучѣ бѣдъ.

Пока заря не возсіяла —
Бездушенъ, хладенъ, тихъ Мемнонъ;
Заря взошла — и дышетъ онъ!
И радость въ мраморѣ взыграла!

Таковъ *Любви* волшебный свѣтъ,
Великихъ чувствъ животворитель,
Къ дѣламъ возвышеннымъ стремитель!
Любви нѣтъ въ сердцѣ — жизни нѣтъ!

Надежда съ чашею отрады
Намъ добрый спутникъ — вѣрь! но знай,
Что не земля, а небо рай!
Вѣрнѣй бышь добрымъ безъ награды!

Когдажъ *Надежда* улетитъ,
Взгляни на тихое *Терпѣнье*!
Она утѣхи обольщенье
Прямою силой замѣнитъ!

Лишь бы сокровище святое,
Доброша сохранилась намъ!
Достоинъ будь — а небесамъ
Оставь на волю остальное!

Д Р У Ж Б А.

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на прахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющь, кругомъ его
обвившый....
О Дружба! это ты.

НА СМЕРТЬ

СЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИНІИ.

Едва съ младенчествомъ разсталась!
Едва для жизни разцвѣла!
Какъ непорочность улыбалась,
И Ангелъ красотой была!
Въ душѣ ея, какъ утро ясной,
Уже раждался чувства жаръ....
Но Жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могилѣ приготовилъ въ даръ!
И дни Творцу она вручила;
И взоры тихіе закрыла,
Не сѣтуя на смертный часъ.
Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ!
Такъ за долиной умолкаетъ
Минутный Филомелы гласъ.

ИДИЛЛІЯ.

Когда она была пастушкою простой,
Цвѣла невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла въ селѣ *дѣвичьей красотой*
И кудри свѣтлыя цвѣтами убирала,
Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей долины,
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлію моей,
Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ Алины!
Теперь!...теперь прости, души моей покой!
Алина гордая столицы украшенье!
Увы! окружена ласкателей толпой;
За лесть ихъ отдала любви боготворенье;
За пышный злата блескъ душистые цвѣты!
Свирѣли тихій звукъ Алину не прельщаетъ;
Алина предпочла блаженству суеты;
Собою занята, меня въ лице не знаетъ!

К Ъ Ф И Л О Н У.

Влаженъ, о Филонъ, кто Харитамъ боги-
нямъ жертвы приноситъ!
Какъ свѣтлые дни легкокрылаго Мая въ
блескѣ весеннемъ,
Какъ волны ручья, озаренны улыбкой юнаго
утра,
Дни его легкимъ полетомъ летятъ!

И полный фіялъ, освященный устами дѣвъ
полногрудыхъ,
И лира, въ кругу окриляемыхъ пляской
фавновъ звѣняща,
Да будутъ отъ насъ, до нисхода въ предѣлы
тайнаго міра,
Граціямъ, дѣвамъ стыдливости даръ;

И горе тому, кто Харитамъ противенъ!
низкія мысли
Его отъ земли не восходятъ къ Олимпу;
богъ песнопѣнья
И нѣжный Эротъ съ нимъ враждуютъ; на-
прасно лиру онъ строитъ:
Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ!

У Е Д И Н Е Н І Е.

(О Т Р Ы В О К Ъ.)

Дружись съ *Уединеніемъ!*
Изнѣженъ наслажденьемъ,
Сынъ свѣта незнакомъ
Съ симъ добрымъ божествомъ,
Ни пруженикъ унылый,
Безмолвный рабъ могилы,
Презрѣвшій Божій свѣтъ
Степной Анахоретъ!
Ужаснымъ привидѣньемъ
Предъ ихъ воображеньемъ
Является оно:
Какъ тьмой облечен о
Одеждою печальной
И къ урнѣ погребальной
Приникшее челомъ,
И въ сумракѣ кругомъ,

Объятъ безмолвной думой,
Совѣшъ его угрюмой:
Съ толпой видѣній *Страхъ*,
Унылое *Молчанье*,
И мрачное *Мечтанье*
Съ безумiемъ въ очахъ,
И душъ холодныхъ мука,
Губительль жизни *Скука!* . . .
О. видь совсѣмъ иной
Для шѣхъ оно пріемлетъ,
Кто зову сердца внемлетъ,
И съ мирною душой,
Младенецъ простотой,
Въ слѣдъ Промысла стремится,
Ни свѣта, ни людей
Угрюмо не дичится,
Но счастья жизни сей
Отъ нихъ не ожидаетъ,
А въ сердцѣ заключаетъ
Прямой источникъ благъ.
Съ улыбкой на устахъ,
На дружественномъ лонѣ
Подруги - *Тишины*,
Въ сіяніи весны,
Простертая на тронѣ
Изъ лилій молодыхъ,
Какъ райское видѣнье,
Себя являетъ ихъ

Очамъ *Уединенье!*
Въ близи подъ сѣнью мирть
Кружится рой *Харитъ*,
И пляску соглашаетъ
Съ струнами *Аонидъ;*
Смотря на нихъ, смягчаетъ
Наука строгій видъ;
При ней сынъ размышленья
Съ веселымъ взглядомъ *Трудъ* —
Въ рукѣ его сосудъ
Счастливаго забвенья
Сразившихъ душу бѣдъ,
И радостей минувшихъ,
И сердце обманувшихъ
Разрушенныхъ надеждъ;
Тамъ зрится *Отдыхъ* ясный,
Труда веселый другъ,
И сладостный *Досугъ*,
И три сестры, прекрасны
Какъ юная весна:
Вчера - воспоминанье,
И *Нынѣ* - тишина,
И *Завтра* - упованье;
Сплетши рука съ рукой,
Та съ розой облетѣлой,
Та розою младой,
А та, мечтой веселой
Стремятся къ небесамъ,

Въ ихъ тайну проникаешъ,
И радуясь сливаешъ
Неведомое намъ
Въ магическое *тамъ!*

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

БАСНЬ.

Однажды доброму Могольцу снился сонъ;
Ужь подлинно чудесной:
Вдругъ видитъ, будто онъ,
Какой-то силой неизвѣстной,
Въ обитель вознесенъ Всевышняго Царя,
И тамъ — подумайте! — находитъ Визиря.
Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
Когожъ — прошу сказать! — узналъ онъ въ адской мглѣ?
Дервиша? Да! Дервишъ, служишель Орозмада,
Въ котлѣ,
Въ клокочущей смолѣ
На ужинъ дьяволамъ варился.
Моголецъ въ страхѣ пробудился;
Скорѣй бѣжатъ за колдуномъ;
Поклоны въ поясъ; бьетъ челомъ;
— Отецъ мой! изъясни чудесное видѣнье! —

„Твой сонъ есть Божій гласъ! — колдунъ ему въ отвѣтъ —
Визирь въ раю за то, что въ области суетъ,
Средь пышнаго двора, любилъ уединенье!
Дервишужъ по дѣломъ! не будь онъ суесвятъ!
Не ползай передъ тѣмъ, кто силенъ и богатъ!
Не думай къ Визирямъ ходить на поклоненье!“

Когдабъ, не бывши колдуномъ,
И я прибавишь могъ къ словамъ его два слова,
Тогда, не цѣля въ даль, просилъ бы объ одномъ:
Друзья! любите сѣнь родительскаго крова!
Гдѣжъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины:
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?
О блага чистыя! о сладкій даръ Природы!
Гдѣ вы, мои поля? Гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я разцвѣлъ въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья! когда увижу васъ?

Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья
Вкушать мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
О! кто мнѣ возвратитъ родимыя долины!
Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины
Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со мной?
При нихъ мои часы веселъемъ окриленны!
Тогда постигну ходъ таинственныхъ небесъ
И выспреннихъ свѣтилъ стези неоткровенны.
Когдажъ не мой удѣлъ познанье сихъ чудесъ:
Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ,
Пускай плѣняюся источниковъ журчаньемъ!
Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихій шокъ!
Нить жизни моея совьется не изъ злата;
Мой низокъ будетъ кровъ, постеля не богата;
Но меньшель бѣдныхъ сонъ и сладокъ и глубокъ?
И меньшель онъ души невинной услажденье?
Ему преобращу мою пустыню въ храмъ!
Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ —
Мой вѣкъ былъ тихій день, а смерть успокоенье!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ.

Надежда сердцемъ жишь въ вѣкахъ,
Надежда сладкая — она не заблужденье!
Пускай покроетъ лиру прахъ —
Въ семъ прахѣ не умолкнетъ пѣнье
Душой безсмертной полныхъ струнъ!
Нашъ геній будетъ, вѣчно-юнъ,
Парить надъ дряхлыми племенъ и царствъ гробами!
И будетъ пламень, въ насъ горѣвшій, согрѣвать
Жаръ славы, благости и смѣлыхъ помышленій
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній
Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны разорвать!
Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ свистать

Надъ нашей съ землею сравнявшейся мо-
гилой —
Что счастіемъ для насъ въ минутной жиз-
ни было,
То будетъ счастіемъ для близкихъ намъ
сердецъ
И долго послѣ насъ! Грядущихъ лѣтъ пѣ-
вецъ
Опять лиры воспылаетъ нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалецъ подойдетъ смѣлѣй
Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
И волю Промысла, смирясь, благословитъ;
Сынъ славы закипитъ,
Ее послышавъ, бранью,
И праздный мечь сожмешъ нетерпѣливой
дланью! . . .
Давно въ развалинахъ Сабинскій уголокъ,
И вѣки ужъ надъ нимъ толпою про-
летѣли!
Но струны Флакковы еще не онѣмѣли!
И, мнится, не забылъ ихъ звука топъ по-
токъ
Съ одушевленными струями,
Надъ коимъ дружными вѣтвями
Въ кудрявые вѣнцы сплелися древеса.
Тамъ, подъ вечеръ, когда невидимо роса

Съ роскошной свѣжестью на землю упа-
даешъ,
И мирты спящіе Селена осребряетъ,
Дріадъ стыдливыхъ хороводъ
Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ про-
летаетъ
По зыбкому зерцалу водъ!
Не рѣдко, въ тихій часъ, какъ солнце на
закатѣ
Лѣетъ румяный блескъ на море въ далекѣ,
И мирты темные дрожатъ при вѣтеркѣ,
На яркомъ отражаясь златѣ —
Вдругъ разливается какъ будто тихій звонъ,
И вѣтерокъ, и струй журчанье утихаетъ —
Какъ бы незримый Аполлонъ
Полетомъ легкимъ пролетаетъ —
И пустникъ, погруженъ въ уныльсть, слы-
шитъ гласъ:
„О смертный! жизнь стрѣлою мчится!
Лови, лови летящіи часъ!
Онъ, улетѣвъ, не возвратится!“

ЭПИМЕСИДЪ.

ПИМЕСИДЪ.

„О жребій смертнаго унылый!
Твой путь — Зевесъ ему сказалъ —
Отъ колыбели до могилы
Между пучинъ и грозныхъ скалъ!
Его уноситъ быстро время;
Врага въ прошедшемъ видитъ онъ;
Влачитъ заботъ и скуки бремя
Онъ въ настоящемъ осуждёнъ;
А счастья будущаго сонъ
Все далѣ, далѣ улетаетъ,
И въ гробѣ съ жизнью исчезаетъ!
И пусть случайно оживитъ
Онъ сердце радостью мгновенной —
То въ безднѣ лучь уединенной:
Онъ только бездну озаритъ!
О ты, который самовластно
Даришь насъ жизнію ужасной,
Зевесъ, къ тебѣ взываю я!
Пошли мнѣ даръ небывшія!“

Въ странѣ, забвенной отъ Природы,
Гдѣ мертвый разрушенья видъ,
Гдѣ съ ревомъ бьютъ въ утесы воды,
Такъ говорилъ Эпимесидъ.
Угрюмый, страшныхъ мыслей полный,
Онъ пробѣгалъ очами волны,
Онъ въ бездну броситься готовъ . . .
И грянулъ гласъ изъ облаковъ:
„Узнай, хулитель Провидѣнья!
Богамъ любезенъ человѣкъ!
Но благъ источникъ наслажденья.
Опринь, слѣпецъ, что въ буйствѣ рекъ,
И не гнѣви Творца роптаньемъ!“
Эпимесидъ просперся въ прахъ.
Покорный, съ тихимъ упованьемъ,
Съ благословеньемъ на устахъ,
Идетъ онъ съ берега крутова.
Два мѣсяца не протекли —
На берегъ онъ приходитъ снова.
„О небеса! вы отвели
Меня отъ страшной сей пучины!
Хвала вамъ! тайный перстъ судьбины
Уже мнѣ друга указалъ!
О! сколь безумно я роптalъ!
Не дремлютъ очи Провидѣнья!
И часто посреди волненья
Оно являетъ присутствь намъ!
Мы живы подъ Его рукою!

И смертный не къ однѣмъ бѣдамъ
Приходитъ прудною стезёю! “
Умолкъ — и видитъ: не въ дали
Цвѣтетъ у брега миртъ зеленый,
На брата юнаго склоненный —
И бури вѣтви ихъ сплели.
Подъ тѣнью ихъ онъ воздвигаетъ
Ликъ *Дружбы* въ честь благимъ богамъ.

Проходитъ годъ — опять онъ тамъ!
Во взорахъ счастіе пылаетъ;
Гименовъ на челѣ вѣнокъ.
„И я винилъ въ безумствѣ рокъ!
И я терялъ къ безсмертнымъ вѣру!
Они послали мнѣ Глисеру!
Люблю! о сладкій жизни даръ!
О какъ могу передъ богами
Излить благодаренья жаръ!“
Онъ палъ на землю со слезами;
Потомъ подъ юными древами,
Гдѣ *Дружбы* ликъ священный былъ,
Любви олтарь соорудилъ.

Свершился годъ — съ лучемъ Авроры
Опять пришелъ онъ на ушесъ,
И свѣтлые сіяли взоры
Святымъ спокойствіемъ небесъ.

„Хвала вамъ, боги! вашей властью
Узналъ въ любви и въ дружбѣ я
Всѣ наслажденья бытія;
Но вы открыли путь ко счастью!
Погибель дерзостнымъ хуламъ,
Произнесеннымъ въ изступленьѣ!
Нашъ въ мірѣ путь одно мгновенье —
Но можемъ быть равны богамъ!“
И онъ воздвигъ на брегѣ храмъ,
Гдѣ все плѣняло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помостъ изъ дерна и цвѣтовъ,
И скромный изъ соломы кровъ,
Подъ той же дружественной сѣнью,
Гдѣ былъ олтарь сооружонъ . . .
И на простомъ фронтонѣ онъ
Изобразилъ: *Благотворенью!*

ПИРШЕСТВО

АЛЕКСАНДРА.

ИЛИ

СИЛА ГАРМОНІИ.

ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА

ИЛИ

СИЛА ГАРМОНІИ.

По страшной битвѣ той, гдѣ Царь Персиды палъ,
Оставя рать, вѣнецъ и жизнь въ кровавомъ полѣ,
Возвышенъ возсѣдалъ,
Въ сіяньи на престолѣ,
Красою богъ, Филипповъ сынъ.
Окресптъ — вождей и ратныхъ чинъ;
Вѣнцами розъ главы увиты —
Вѣнецъ есть даръ тебѣ, сынъ брани знаменитый! —
Таиса близь Царя сѣдитъ,
Любовь очей, востока диво;
Какъ роза юный цвѣтъ ланитъ,
И полонъ страсти взоръ стыдливой.

Блаженная чета!
Величіе съ красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смѣлому въ бояхъ наградой красота!

И зрѣлся Ѳимоѳей среди поющихъ клира;
Летали персты по струнамъ;
Какъ вихорь мощный звонъ стремился къ небесамъ;
Звучала радостію лира:

Отъ Зевса пѣснь ведетъ пѣвецъ:
О власть любви! отъ горня трона,
Покинувъ громъ, боговъ отецъ,
Подъ дивнымъ образомъ дракона,
Нисходитъ въ міръ; другой віетъ
Огнечешуйчатый хребетъ;
Въ немъ страсти пышетъ вожделѣнье;
Къ Олимпіи летитъ, къ грудямъ ея приникъ;
Обвилъ три-краты станъ — и се Зевесовъ лик!
Се новый Царь землѣ! се грознаго рожденье!

И строй внимающихъ восторгомъ распаленъ;
Кличь шумный: Богэ зримъ! И старъ и младъ воспрянулъ!

И звучно: Бога зримъ! по сводамъ опзывъ
грянулъ.
Царь славой упоенъ;
Зритъ звѣзды подъ стопою;
И мыслитъ: онъ Зевесъ!
И движетъ онъ главою,
И мнитъ — подвигнулъ сводъ небесъ!

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
Грядетъ, грядетъ веселій богъ!
Всегда прелестный, вѣчно-юный!
Звяцай, кимвалъ! раздайся, рогъ!
Се Бахусъ свѣтлый, сановитый!
Какъ пурпуръ, пламенны ланиты!
Звучи, труба! грядетъ! грядетъ!
Изъ кубковъ пѣна съ шумомъ бьетъ;
Кипитъ въ ней пламень сладострастный;
Пей, воинъ! даръ тебѣ сосудъ!
О Вакха даръ безцѣнный!
Виномъ воспламененный,
Забудь, сынъ брани, бранный трудъ!

И Царь, волнуемъ струнъ игрою,
Въ мечтахъ сзываетъ раши къ бою

Три-краты врагъ сраженный имъ сраженъ;
Три-краты плѣнный ринушъ въ плѣнъ!

Пѣвецъ зритъ гнѣва пробужденье
Въ сверканіи очей, во пламени ланитъ;
И небу и землѣ грозящу яросшь зритъ....
Онъ спруны укрошилъ, ихъ заувьивно пѣнье;
Едва ласкаетъ слухъ задумчивый ихъ гласъ,
И жалость на спрунахъ смиренныхъ роди-
лась.

Онъ Дарія поетъ: Царь добрый! Царь ве-
ликій!
Кто равенъ съ нимъ? ... Но Рокъ свой гро-
зный судъ послалъ!
Онъ палъ! онъ спрашно палъ!
Нѣтъ Дарія - владыки!
Въ кипящей зыблется крови;
Отъ всѣхъ забытъ въ ужасной долѣ;
Нѣтъ въ мірѣ для него любви;
Хладѣетъ на песчаномъ полѣ;
Гдѣ другъ — глаза ему смѣжитъ,
И прахомъ сирую главу его покрытъ?

Сидѣлъ герой съ поникшими очами;
Онъ мыслію прискорбной пробѣгалъ
Стези судьбы, играющей Царями;

За вздохомъ вздохъ изъ груди вылетшалъ,
И пролилась печаль его слезами.
И дивный пѣснопѣвецъ зритъ,
Что жаръ любви уже горитъ
Въ душѣ! вкусившей сожалѣнья,
И пѣснь взыгралъ онъ наслажденья:
Проснись, Лидійскій брачный гласъ!
Проникни душу, пламень сладкой!
О витязь! жизнь крилатый часъ;
Мы радость ловимъ здѣсь украдкой!
Летучей пѣны клубъ златой,
Надутый пышно и пустой,
Вотъ честь, надменныхъ душъ ловитва!
Народамъ казнь за славу битва!
Спѣши быть счастливъ, богъ земной!
Таиса, цвѣтъ любви, съ тобой!
Къ тебѣ ласкается очами;
Въ груди желанья тайный жаръ,
И дышетъ страсть ея устами!
Вкуси любовь-безсмертныхъ даръ!

Возсталъ отъ сонма кличь и своды возстенали:
„Хвала и честь любви! пѣвцу хвала и честь!“
И полонъ сладостной печали,

Очей не можетъ Царь задумчивыхъ отвесть
Отъ дѣвы, страстью распаленной;
Блаженъ своей тоской; что взглядъ, то нѣжный вздохъ;
Горитъ и гаснетъ взоръ, желаньемъ напоенной,
И, томный, палъ на грудь Таисы полубогъ!

Но струны грянули подъ сильными перстами!
Ихъ страшный звонъ, какъ съ трескомъ падшій громъ!
Звучнѣй! звучнѣй! воспрянулъ Царь; кругомъ
Онъ бродитъ смутными очами;
Разрушенъ нѣги сладкій сонъ!
Исчезла прелесть вожделѣнья,
И слухъ его разитъ мятежный, дикій стонъ:
Сынъ брани, мщенья! мщенья!
Возникла ярость Эвменидъ!
Се дѣвы казни! страшный видъ!
Смотри! смотри! межь ихъ власами
Зіяютъ пасти грозныхъ змѣй!
Шипятъ! свистятъ! свились хребтами!
Льютъ искры изъ очей!...

Но что? шамъ блѣдныхъ тѣней лики!
Воздушный полкъ на облакахъ!
Се мчатся! свѣшочи въ рукахъ!
Ихъ грозенъ видъ! ихъ взоры дики!
То вишязи твои!... Сраженнымъ въ бишвѣ нѣшъ
Послѣдней дани погребенья!
Пустынный вранъ ихъ трупы рвешъ,
И воютъ: мщенья! мщенья!
Бѣжишъ ошъ ихъ огней пожаръ по небесамъ!
Бѣдой на Персеполь ихъ гнѣвны очи блещутъ!
Туда погибель мещутъ!
Къ мечамъ! бойницы въ прахъ! огню и домъ и храмъ!...

И сонмы всколебались къ брани;
На щитъ и мечь упали длани;
И Царь погибельный свѣтильникъ воспалилъ.
О горе, Персеполь! грядетъ владыка силъ!
Таиса вождь герою;
Елена новая, зажжетъ другую Трою!

Такъ древней лиры гласъ — когда еще молчалъ
Органа мѣхъ чудесный—
Перстамъ послушенъ, оживлялъ
Въ душѣ восторгъ, и гнѣвъ, и чувства жаръ прелестный!

Но днесь другую жизнь гармонiи дала
Сесилiя, шворецъ органа.
Безсмертнымъ вымысломъ художница слила
Прошяжность съ быстротой, звонъ лиры,
громъ тимпана
И пѣнье нѣжныхъ флейтъ. О древнихъ лѣтъ
пѣвецъ!
Клади къ ея стопамъ заслугъ твоихъ вѣ-
нецъ!....
Но нѣтъ! вы равны вдохновеньемъ!
Имъ смертный къ небу вознесенъ;
На землю Ангелъ низведенъ
Ея чудеснымъ сладкопѣньемъ!

БИБЛІЯ.

Б И Б Л І Я.

Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ Евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ,—
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ!
Такъ! тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Іордана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана
Живетъ восторгъ! туда, туда спѣши, пѣвецъ!
Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ предъ тобою,
И Мощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ! . . .
И слова дивнаго прекрасное рожденье,

Се первый человѣкъ! Вкусилъ минутный сонъ —
Подругу сладкое даруетъ пробужденье!
Уже съ невинностью блаженство трапитъ онъ!
Поверженъ праведникъ — о грозный Богъ! о мщенье!
Се воды хлынули . . . земли преступной. нѣтъ!
Одинъ, путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносишся ковчегъ надъ бурными валами,
И въ немъ съ Надеждою таится юный свѣтъ!
Вы, пастыри, вожди племенъ благословенных,
Іаковъ, Авраамъ! восторженный мой взглядъ
Васъ любитъ обрѣтать могущихъ и смиренныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ, среди шумящихъ стадъ!
Сколь вашей простоты величіе плѣняетъ!
Сколь на востокѣ намъ вашъ славный слѣдъ сіяетъ! . . .
Не ты ли, тихій гробъ Рахили предо мной? . . .
Но сынъ ея зоветъ меня ко брегу Нила!
Напрасно злобы сѣть невинному грозила!

Живъ Богъ — и онъ спасенъ! о! сладкія
съ тобой,
Прелестный юноша, мы слезы проливали!
И нѣтъ тебя...увы! на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израиля въ гоненіи, въ цѣпяхъ
Скорбятъ...но небеса склонились къ ихъ
печали!
Кто ты, спокойное дитя средь шумныхъ
волнъ?
Онъ! онъ! Евреевъ щитъ, ихъ плѣна раз-
рушитель!
Спѣши, о дщерь Царей, спасай чудесный
чолнъ!
Да не дерзнетъ къ нему приближиться
губитель —
Въ сей колыбели скрыть Израиля предѣлъ!
Раздвинься, море!... пой, Израиль, искуп-
ленье!
Синай, не ты ли день завѣта въ страхѣ
зрѣлъ?
На на твоюль главу, дрожащую въ смятеньѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣлъ?
Рекуль — и дивный столпъ, въ день мрач-
ный, въ ночь горящій,
И изумленную пустыню онъ чудесъ,
И солнце, ставшее незапно средь небесъ,
И Руѳь, и отъ руки Сампсона храмъ дро-
жащій,

И дѣву юную, которая въ слезахъ,
Среди младыхъ подругъ, на ѳпческихъ го-
рахъ!
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?...
Но что! рука Судей Израиль упомила!
Неблагодарнымъ въ казнь, Царей послалъ
Творецъ!
Саулъ помазанъ — палъ — и пастырю вѣ-
нецъ!
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ!
Гдѣ вы, левиты? Ждетъ божественный
строитель!
Сшеклись!... о торжество! храмъ вѣчный
заложенъ!
Но что! ужь десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ!...
Падите, идолы! разсыпшесь въ прахъ, бож-
ницы!
Се въ блескѣ Илія на небо воспарилъ!...
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ!...
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣницы!
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ —
И въ часъ показанный народы изчезаютъ!
Увы, Сидонъ! на вѣкъ подъ пепломъ ты
ухихъ!...
Какіе вопли шокъ Евфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ бре-
гахъ,

Іуда, ободрись! возходитъ день спасенья!
Смотри! сія рука, сразитель преступленья,
Несетъ тирану казнь, другимъ тиранамъ
въ страхъ!
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племе-
нами!
Се Ездра, Маккавей съ могущими сынами!
И се Младенецъ-Богъ Мессія въ пеленахъ!

АББАДОНА.

АББАДОНА.

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ
подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Абба-
дона; печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ; грозно
вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тайныя скор-
би, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна;
онъ вспомнилъ,
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ
другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возму-
щенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрель-
щенъ, возвратился.
Другомъ влекомъ, ужь почти улетѣлъ отъ
враговъ Аббадона;
Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ
гремя и блистая;

Звучно торжественнымъ кликомъ зову-
щихъ грянуло небо!
Съ шумомъ помчалися рати мечтой боже-
ства упоенныхъ —
Ахъ, Аббадона! бурей безумцевъ отъ друга
оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей
любви Абдіила;
Тьмой божества отуманенъ, взоровъ моля-
щихъ не видитъ!
Другъ позабытъ; въ торжествѣ онъ къ пол-
камъ Сатаны возвратился,
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ
въ мысляхъ всю повѣсть
Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ
утрѣ созданья!
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель.
Въ восторгѣ рожденья
Всѣ вопрошали другъ друга: скажи, Сера-
фимъ, братъ небесный,
Кто ты? Отколѣ, прекрасный? Давноль
существуешь, и зрѣлъ ли
Прежде меня? О, повѣдай, что мыслишь?
Намъ вмѣстѣ безсмертье!
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ бла-
годатью слетѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сон-
момъ

Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному об-
лако свѣта
Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, возгла-
сили: Создателъ! —
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Абба-
доны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ
ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны, и
воздвигся, нахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты — такъ въ
битвѣ кровавой другъ друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьи кон-
чины вздыхаютъ —
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сата-
ны, онъ воскликнулъ:
„Будь на меня вся неисповыхъ злоба! вѣ-
щать вамъ дерзаю!
Такъ! я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго
судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возму-
титель!
Я ненавижу тебя! ненавижу, убійца! во
вѣки
Требуй Онъ, нашъ Судія, отъ тебя развра-
щенныхъ тобою
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! да
вѣчное *горе!*

Грозно гремишь на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!
Горе тебѣ, Сатана! я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ! не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразишь! о ничтожный! о комъ ты вѣщаешь?
Онъ Всемогущій! а ты пресмыкаешься въ прахѣ,
Гордый невольникъ! пошлетъ ли смертному Богъ искупленье;
Тлѣналь оковы расторгнуть помыслишъ — тебѣль съ Нимъ борошься!
Тыль разтерзаешъ безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ ли,
Кшо Онъ? Не тыль опаленъ всемогущими громами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?
Иль Вседержитель добычею будетъ безумства безсильныхъ?
Мы, заманившіе въ смерть человѣка.... о горе мнѣ! горе!
Я вашъ сообщникъ!... дерзнемъ ли возстать на Подателя жизни?
Сына Его Громовержца хотимъ умертвить! о безумство!

Сами хотимъ въ слѣпотѣ заградить ко
спасенью дорогу!
Нѣкогда духи блаженные, сами на вѣки на-
дежду
Прежняго счастія, мукъ утоленія мчимся
разрушить!
Знай же, сколь вѣрно, кто мы ощущаемъ
съ сугубымъ страданьемъ
Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ из-
гнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ, столь вѣрно
и то, что сраженный
Ты со стыдомъ на челѣ опъ Мессіи въ свой
адъ возвратишься. "
Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Са-
тана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить
огромной скалою —
Гнѣвъ обезсилилъ грозно подъятую съ кам-
немъ десницу!
Топнулъ ярася ногой и трикраты отъ
бѣшенства вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ
онъ на Аббадону
Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ опъ
бѣшенства ярокъ и мраченъ;
Но презираш былъ не властенъ. Ему
предстоялъ Аббадона

Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицемъ.
Вдругъ воспрянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей
ненавистникъ.
„Въ вихряхъ и буряхъ хочу отвѣчать тебѣ, робкій! вѣщалъ онъ.
Гряну грозою отвѣщъ мой безумцу. Ты ли ругаться
Смѣешь богами! ты ли, презрѣннѣйшій въ сонмѣ безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ Сатану и меня осквернять замышляешь?
Нѣтъ тебѣ казни! казнь твоя — мыслей безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удались! удались, малодушный! прочь отъ могущихъ!
Прочь отъ жилища Царей! изчезай непримѣнный въ пучинѣ!
Пусть тамъ создастъ тебѣ царство мученія твой Вседержитель!
Тамъ проклинай безконечность! или, ничтожности алчный,
Въ низкомъ безсиліи, рабски предъ небомъ простерпъ, пресмыкайся!
Ты же, отважный! средь самаго неба нарекшійся Богомъ!
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань полетѣвшій съ Могущимъ!

Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣшныхъ
міровъ повелитель!
О Сатана, полетимъ! да ѵзрятъ насъ въ
могуществѣ духи!
Да поразитъ ихъ, какъ буря, помысловъ
нашихъ отважность!
Се лавиринѳы коварства! всѣ намъ пути
ихъ отверсты!
Въ мракѣ ихъ смертъ! не найдетъ Онъ
изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода!
Естьлижъ, наставленный небомъ, разру-
шитъ Онъ хитрые ковы —
Пламенны бури пошлемъ, и Его не ми-
нуетъ погибель.
Горе, земля! мы грядемъ ополченные смертью
и адомъ!
Горе безумнымъ, кто насъ отразитъ на
землѣ возмечтаетъ!“
Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ
буря, собранье.
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна
дрожала; какъ будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ
кликомъ и воемъ,
Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воз-
двиглися; дикой
Шумъ голосовъ поднялся, и отгрянулъ съ
востока на западъ;

Всѣ возревѣли: погибни, Мессія! Отъ вѣка
созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло; съ Ад-
рамелехомъ
Съ трона потекъ Сатана, и ступени, какъ
мѣдныя горы,
Звучно подъ ними звенѣли; съ крикомъ,
зовущимъ къ побѣдѣ,
Ринулись смутной толпой во врата рас-
творенныя ада!

Издали, медлѣнно, слѣдомъ за ними, летѣлъ,
Аббадона;
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданныхъ
страшнаго дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ Анге-
ламъ, стражамъ Эдема,
Робкой подходитъ.... кто же тебѣ пред-
стоитъ, Аббадона?
Онъ! Абдіилъ, непреклонный! нѣкогда другъ
твой!... а нынѣ?...
Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То
удалиться,
То подойти онъ желаетъ; то въ сирот-
ствѣ, безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное броситься хочетъ.
Долго стоялъ онъ,

Трепещенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь,
приступилъ къ Абдіилу;
Сильно билось въ немъ сердце; тихія сле-
зы катились,
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣд-
нымъ ланитамъ;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; мед-
ленный трепетъ,
Смертнымъ и въ самомъ борень съ кон-
цемъ неиспытанный, мучилъ
Въ робкомъ его приближеньи....но ахъ!
Абдіиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрѣли на
славу
Вѣчнаго Бога; егожъ Абдіилъ не замѣтилъ.
Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой вес-
ны мірозданья,
Такъ Серафимъ блисталъ, но блистало онъ
не для Аббадоны!
Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣв-
шаго неба,
Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ изъ
дали къ Абдіилу:

„О Абдіилъ! мой братъ! или на вѣки меня
ты отринулъ?

Такъ! на вѣки я розно съ возлюблен-
нымъ.... страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все твореніе! плачьте вы,
чада свѣта!
Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны!
о! плачьте!
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ! увяньте
вы, тайныя сѣни,
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно
сливались!
Свѣтлы небесны потоки, близь коихъ,
сладко объемлясь,
Мы воспѣвали чистою пѣснію Божію славу,
Ахъ, замолчите! изсякните! нѣтъ для ме-
ня Абдіила!
Нѣтъ! и на вѣки не будетъ! Адъ мой, жи-
лище мученья,
Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною!
на вѣки
Нѣтъ Абдіила! вѣчно мнѣ милаго брата не
будетъ!“

Такъ тосковалъ Аббадона, стоя предъ вхо-
домъ въ созданяе!
Строемъ катилися звѣзды. Блескъ и кры-
латые громы
Встрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его у-
страшили;

Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой томимый,
Свѣтлыхъ мiровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ:
„Сладостный входъ во блаженство, почто загражденъ Аббадонъ?
О! для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,
Къ свѣтлымъ мiрамъ Вседержителя, вѣчно покинуть
Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя чада созданья!
Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу — я былъ васъ прекраснѣй!
Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанникъ,
Гнусный, среди красоты мiрозданья. О небо родное!
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блаженство!
Тамъ, ополчившись на Бога, сталъ грѣшникъ! о миръ непорочный,
Милый товарищь мой въ свѣтлой долинѣ спокойствiя, гдѣ ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ созданiя славы

Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ! пе-
чальный остатокъ!
Ахъ! для чего я къ Нему не дерзну возгла-
сить: мой Создатель!
Радостнобъ нѣжное имя Отца уступилъ
непорочнымъ!
Пусть неизгнанные въ чистомъ восторгѣ:
Отецъ! восклицаютъ!
О Судія непреклонный! преступникъ мо-
лить не дерзаетъ,
Чтобъ хотъ единымъ Ты взоромъ его по-
сѣтилъ въ сей пучинѣ!
Мрачныя, полныя ужаса мысли, и вы,
безнадежность,
Грозный мучитель, свирѣпствуй!....по-
что я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнаешь? . . . Проклинаю сей
день ненавистный,
Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ
съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слыша-
шій голосъ
Новыхъ безсмертныхъ вѣщавшихъ: и братъ
нашъ возлюбленный созданъ!
Вѣчность! почто родила ты сей день? поч-
то онъ былъ ясенъ,
Мрачностью не былъ той ночи подобенъ,
которою Вѣчный,

Гнѣвомъ грозы ополченный, Себя облекаешъ? Почто онъ
Не былъ, проклятіемъ Бога гнетомъ, обнаженъ отъ созданій? . . .
Что я изрекъ? . . . О хулитель! Кого предъ очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите вы, звѣзды,
Грянытесь ко мнѣ на главу, и укройте меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья! О Ты, Судія преклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?
О Судія! Ты Создатель! Отецъ! . . . что вѣщаю, безумецъ!
Мнѣль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель!
Ахъ! улетимъ! ужь воздвиглись Его всемогущіе громы
Страшно ударить въ меня....улетимъ!...
но куда?...гдѣ отрада?“

Рекъ, и ударился быстро во глубь безпредѣльныя бездны . . .

*

Горько взывалъ онъ: сожги, уничтожь
меня, огнь разрушитель!
Вопли исчезли въ пустынѣ . . . . и огнь
не прилекъ разрушитель!
Смущный онъ снова помчался къ мірамъ, и
приникъ утомленный
Къ нѣкому пышноблестящему солнцу. Отшолѣ на бездны
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды кипѣли какъ свѣтлое море;
Вдругъ налетѣла на солцне заблуждшая въ
безднѣ планета!
Часъ ей насшалъ рязрушенья . . . . уже задымилась и рдѣла . . . .
Къ ней полетѣлъ Аббадона, мечтая разрушится вкупѣ . . . .
Дымомъ она разлетѣлась, но ахъ . . . . не
погибъ Аббадона!

ВЕЧЕРЪ.

ВЕЧЕРЪ.

Ручей, вiющiйся по свѣтлому песку,
Коль тихая твоя гармонiя пріятна!
Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку! . . .
Приди, о Муза благодатна,

Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ, съ цѣвницею злапой;
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И, звуки ожививъ, шуманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей Природы!

Какъ солнца за горой плѣнительнъ закатъ—
Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
И въ зеркалѣ воды колеблющiйся градъ
Багрянымъ блескомъ озаренны;

Когда съ холмовъ златыхъ стада бѣгутъ
къ рѣкѣ
И рева гулъ гремитъ звучнѣе надъ водами;
И, сѣти склавъ, рыбакъ на легкомъ челнокѣ
Плыветъ у брега межь кустами;

Когда пловцы шумятъ, скликаясь по стругамъ,
И веслами струи согласно разсѣкаютъ;
И, плуги обрашивъ, по глыбистымъ бро-
здамъ
Съ полей орапаи съѣзжаютъ! . . .

Ужь вечеръ! . . . облаковъ померкнули края
Послѣдній лучь зари на башняхъ умираетъ;
Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
Съ потухшимъ небомъ угасаетъ!

Все тихо! рощи спятъ! въ окрестности покой!
Простершись на травѣ подъ ивой наклоненной,
Внимаю, какъ журчитъ, сливаяся съ рѣкой,
Потокъ, кустами осѣненной.

Какъ слитъ съ прохладою растѣній ѳими-
амъ!
Какъ сладко въ тишинѣ у брега струй плесканье!
Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно надъ ручьемъ колышется шро-
сникъ;
Гласъ пѣпела въ дали уснувши будитъ селы;
Въ травѣ коростеля я слышу дикій крикъ,
Въ лѣсу сшенанье Филомелы!...

Но что!... какой въ дали мелькнулъ волше-
бный лучь?
Восточныхъ облаковъ хребты воспламени-
лись;
Осыпанъ искрами во тьмѣ журчавшій ключь;
Въ рѣкѣ дубравы опразились!

Луны ущербный ликъ возсіпалъ изъ-за хол-
мовъ!...
О шихое небесъ задумчивыхъ свѣтило!
Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ лѣ-
совъ!
Какъ блѣдно брегъ шы озлашило!

Сижу, задумавшись! въ душѣ моей мечшы!
Къ прошекшимъ временамъ лечу воспоми-
наньемъ!
О дней моихъ весна, какъ быстро скрылась
шы,
Съ твоимъ блаженствомъ и страдань-
емъ!

Гдѣ вы, мои друзья! вы, спутники мои?
Уже ли никогда не зрѣть соединенья?
Ужель изсякнули всѣхъ радостей струи?...
О вы, погибши наслажденья!

О братья, о друзья! гдѣ нашъ священный
кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и Музамъ и свободѣ?
Гдѣ Вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ?
Гдѣ кляшвы, данныя Природѣ,

Хранишь съ огнемъ души нетлѣнность брат-
скихъ узъ?
И гдѣ же вы, друзья?... Илѣ всякъ своей
тропою,
Лишенный спуппиковъ, влача сомнѣній
грузъ,
Разочарованный душою,

Тащиться осужденъ до бездны гробовой?...
Одинъ — минутный цвѣтъ — почилъ, и не-
пробудно!
И гробъ безвременный любовь кропишъ слѣ-
зой!
Другой.... о Небо правосудно!...

А мы?... Ужель дерзнемъ другъ другу чужды
быпь?
Ужель красавицъ взоръ, иль почестей ис-
канье,
Иль суетная честь пріятнымъ въ свѣтѣ
слыпь
Загладятъ въ сердцѣ вспоминанье

О радостяхъ души, о счастьи юныхъ дней,
И дружбѣ, и любви и Музамъ посвященныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! пусть всякъ идетъ во слѣдъ
судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ!...

Мнѣ Рокъ судилъ: бресши невѣдомой стезёй,
Быпь другомъ мирныхъ селъ, любить красы
Природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной шиши-
ной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспѣ-
вать!
О пѣсни, чистый плодъ невинносши серде-
чной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скорошечной!

Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный
дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,

Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій
кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробуж-
денье,
И, лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденья!

Такъ! пѣшь есть мой удѣлъ!... но долголь?..
Какъ узнашь?...
Ахъ! скоро можетъ быть съ Минваною у-
нылой
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера ме-
чташь
Надъ тихой юноши могилой!

ПѢВЕЦЪ

НА

КРЕМЛЬ.

Отъ Издателей.

Сіи стихи написаны въ концѣ 1814 года. Авторъ представляетъ *пѣвца рускихъ воиновъ*, возвратившагося на родину и поющаго пѣснь освобожденія на Кремлѣ, среди гражданъ Московскихъ, въ виду жертвы, принесенной за отчизну и въ тотъ самый день (25 Декабря,) когда торжествующая Россія преклоняетъ съ благодарностію колѣна предъ Промысломъ, спасшимъ чрезъ нея всѣ народы Европы и всѣ блага свободы и просвѣщенія.

ПѢВЕЦЪ НА КРЕМЛѢ.

ПѢВЕЦЪ.

На Кремль, друзья! на холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли ваши дѣды
Побѣдну пѣснь предъ Божествомъ,
Мы грянемъ пѣснь побѣды!
Зоветъ Кремля священный гласъ,
Какъ древле вѣстникъ славы!
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоеглавый!
На Кремль! на Кремль, и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

НАРОДЪ.

На Кремль! на Кремль, и старъ и младъ!
При гимнахъ, ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья!

ПѢВЕЦЪ.

О Кремль отеческій! твой прагъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное Мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой!
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень!
„Не будь Кремля!“ изрекъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный!
Вспылалъ лишь древній домъ Царей,
Убійцей осквернѣнный!

Но ты, Царя вѣнчавшій храмъ! . . .
Рукой Небесъ хранимый,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ Небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый!
И ты, Царей минувшихъ прахъ!
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Духъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей! . . . .
О нашъ Сіонъ священный!
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней!
Красуйся, обновленный!

НАРОДЪ.

О нашъ Сіонъ священный!
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней!
Красуйся, обновленный!

ПѢВЕЦЪ.

Съ хвалою первой къ Богу силъ,
Друзья, подымемъ длани!
Онъ на Кремлѣ Себя явилъ
Ужаснымъ Богомъ брани!
Онъ, въ заревахъ по Небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою
Промчавшись, сталъ въ лице врагамъ
Карающей бѣдою!
Онъ въ дымъ Москвы себя облекъ,
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести!

И славою Ему во слѣдъ
Шумѣли ихъ знамена!
При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна;
На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы;
И грянулъ страшный Божій бой,
И гимнъ Его свободы! . . .

Раздайся жъ громко на Кремлѣ
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И вѣчному держава!

НАРОДЪ.

Раздайся громко на Кремлѣ
Днесь Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И вѣчному держава!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ Россію, Царь земли!
Народъ твой уповаетъ!
Прими ее и повели
Да славой процвѣтаетъ!
Да сила, иноземнымъ страхъ,
Брежетъ ея предѣлы;
Да на святыхъ ея поляхъ
Сіяетъ миръ веселый;
Да нравовъ древнихъ чистотой
Союзъ семей хранится:
Да въ нихъ съ невинной простотой
Свѣтъ знаній водворится!

О! повели, чтобъ нашъ Орелъ,
Вселенной стражъ могучій,
Спокоенъ на громахъ сидѣлъ:

А въ брани вражьи тучи,
Какъ нынѣ, грудью пробивалъ,
И подъ небесны своды
Всегда со кликомъ возлеталъ
Спасенья и свободы!
Вели, да возшумятъ моря
Подъ Рускими рулями,
И слава Рускаго Царя
Возцарствуй надъ водами! . . .

Вели, да помнитъ Славянинъ,
Что онъ наслѣдникъ Славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечь кровавый
И древле былъ пропитымъ страхъ! . . .
Друзья! отцы предъ нами!
На тѣхъ же мы цвѣтемъ поляхъ,
Подъ тѣми жъ небесами,
Гдѣ чада славы разцвѣли!
Предъ нами та жъ дорога,
По коей дѣды протекли
За Русь, Царя и Бога! . . .

О Русь да нашъ языкъ прильпнетъ
Изсохнувшій къ гортани!
Да крѣпость древняя спадетъ
Съ увядшей нашей длани,

Когда престанешь ты для насъ —
И въ часъ борьбы кровавой,
И въ нощь, и въ день, и въ смертный часъ —
Быть радостью и славой! . . .
А Ты, Всевышній, нашъ обѣтъ
Прими въ Твою десную!
И горней Благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую!

НАРОДЪ.

Прими, Всевышній, нашъ обѣтъ,
Прими въ Твою десную!
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую!

ПѢВЕЦЪ.

Храни Царя! Царю пошли
Твое благословенье!
Ему всѣ радости земли!
Тебѣ жъ благодаренье
За царственную высоту
Его души благія;
За чистой славы красоту,
Въ какой имъ днесь Россія;
За первенство среди Царей,
Отъятое не бранью,
Но искупленіемъ людей
И мирошворной дланью;

За твердое презрѣнье бѣдъ;
За благость въ правой мести;
За кротость на верху побѣдъ
И вѣрность Царской чести;
За блескъ, въ какомъ умѣлъ явить
Онъ доблесть Славянина;
За сладкій жребій нашъ: любить,
Какъ друга, Властелина —
О всемогущій Царь земли,
Тебѣ благодаренье!
Храни Его! Ему пошли
Твое благословенье!

Храни Его! то общій кликъ
Съ Кремлевскія вершины! . . .
И угасающій сіпарикъ,
Въ виду своей кончины
Молящій ясныхъ дней сынамъ;
И брани сынъ ретивый,
Привыкшій, къ трепету врагамъ,
Знамена горделивы,
Царемъ ведомый, воздвизать;
И юноша цвѣтущій,
Минуты славой заблистать
Въ волненьи сердца ждущій;

И безмятежный селянинъ,
Воспитанникъ природы;
И смѣлый просвѣщенья сынъ,

Алкающій свободы
Воспламенить во благо свой
Свѣтильникъ вдохновенный —
Всѣ, всѣ съ молитвою одной
Къ Тебѣ, Царю Вселенны:
Твою щедроту посели
Надъ Царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И Трона красотою!

НАРОДЪ.

Твою щедроту посели
Надъ Царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И Трона красотою!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ спасительную рать!
Тебѣ вождей спасенья!
На нихъ да снидетъ благодать!
На нихъ благословенья
Съ Кремлевскихъ благодарныхъ стѣнъ
Ихъ груди, какъ твердыни,
Отъ насъ отбили срамъ и плѣнъ,
И бѣшенство гордыни!
Москва! Они твоимъ стѣнамъ

Рекли: одѣньтесь въ пламень!
„Взлетите гибелью врагамъ!
„Будь рапникъ — каждый камень!“
И мщенье — грозный ихъ обѣтъ!
Ему не измѣнили!
Твоей дружиной, Царь побѣдъ!
Они себя явили!
Безтрепетны сквозь зной и хладъ,
Сквозь пепельны пустыни,
Пронзая силой сильныхъ рядъ,
Перунами твердыни,
На мышцу мышцу, грудь на грудъ.
И брань самой природѣ,
Кровавый прошопшали путь
И чести и свободѣ!

Вездѣ, во славу Бога силъ,
Воздвиглись ихъ знамена;
Орелъ свободныхъ — раздробилъ
Орла рабовъ, и Сена,
Послышавъ громъ ихъ, чрезъ поля
Помчала обновленье —
И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье!
И се! на родину стеклись!
Въ ножнахъ ужь мечь кровавый!..
О Кремль священный, оживись!
Яви имъ пепелъ славы!

Стекитесь, чада и отцы,
Младыя дѣвы, жены,
На ихъ главы надѣнь вѣнцы,
Ихъ увѣнчать знамены,
Съ раменъ могучихъ снять щиты,
Принять изъ рукъ ихъ громы,
Узрѣть возлюбленны черты,
Услышать гласъ знакомый!
Се на Кремлевской высотѣ,
Еще подъ прахомъ брани!
Стоять въ смиренной красотѣ,
И къ вамъ просперли длани!..

Благословляемъ вашъ возвратъ
Въ отчизну съ поля чести!
Святое тихо вѣрныхъ чадъ
Цѣной кровавой мести,
Цѣною ранъ купили вы!...
Здѣсь, на скалѣ пожарной,
На ваши бодрыя главы
Рукою благодарной
Отчизна славная кладетъ
Печать любви и славы,
И слезы изцѣленья льетъ
На раны ихъ кровавы!...

На нихъ! на нихъ твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель!
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель!

НАРОДЪ.

На нихъ! на нихъ твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель!
Да и предъ мирными дрожитъ
Какъ въ бранный день, губитель!

ПѢВЕЦЪ.

Простри, Всевышній длань твою
На бранныхъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ!
Введи ихъ въ ту безсмертну сѣнь,
Гдѣ миръ Твой обитаетъ,
Да твой незаходимый день
Имъ радостью сіяетъ;
Да тамъ для нихъ о жизни сей
Живетъ воспоминанье;
Да будутъ родины своей
И щитъ и упованье!

Друзья! съ молитвою объ немъ,
О старцѣ, о великомъ!..
О нашъ Герой! когда съ мечемъ,

Съ покойнымъ свѣтлымъ ликомъ,
Во храмѣ, обруку Царя,
Младый подъ сѣдинами,
Передъ святыней олтаря,
Внимаемъ небесами,
Обѣтъ спасенья ты изрекъ,
Мы мнили, ослѣпленны —
Забывъ, что вождь нашъ человѣкъ —
Что дни твои неплѣнны!...

И гдѣ же ты, о вождь побѣдъ?
Мы гимнъ поемъ спасенья!
Почтожъ спасителя здѣсь нѣтъ?
На праздникъ Провидѣнья
Мы всѣ на Кремль свой притекли....
А нашъ герой не съ нами!
Здѣсь громы вражески въ пыли
Безмолвными рядами!
Здѣсь ихъ разбитые щиты,
Ихъ знамена кровавы!
Здѣсь наша слава!...гдѣ же ты,
Создатель нашей славы?...

Друзья! сей день да освятитъ
Объ немъ воспоминанье!
Да къ тѣни бранной долетитъ
Отечества призванье!
На верхнихъ славы ступеняхъ
Ему рука Судьбины,

При блескѣ молній, при громахъ,
Постлала одръ кончины!
На немъ простерлъ, онъ угасалъ,
Какъ вечеръ свѣтозарный,
И угасающій, внималъ
Отчизнѣ благодарной!...

Почій же въ славѣ, нашъ Герой!
Да при твоей гробницѣ
Архистратигъ, соратникъ твой
Съ мечемъ небесъ въ десницѣ,
Стражъ пепла твоего сѣдитъ!
Предъ ней, неугасимый,
Да пламенникъ любви горитъ,
Отчизною хранимый!
И будь сей огнь священный знакъ,
Что свыше Провидѣнье
На Русь сквозь самый бѣдствій мракъ
Сіяетъ во спасенье!

И вы, которыхъ бурный бой
Похитилъ средъ полета,
Вы, быстро за рубежъ земной
Ушекшіе изъ свѣта,
Друзья! благословенье вамъ!
Вы пали за отчизну!
И здѣсь, прискорбная, сынамъ
Она свершаетъ тризну!

И Кремль ея преобращенъ
Въ олтарь благодаренья:
На немъ былъ первый воспаленъ
Свѣтильникъ Провиденья!

Вы, въ пямять чадамъ позднихъ лѣтъ,
Своимъ геройскимъ прахомъ
Спасенный одарили свѣтъ!
И врагъ свободы съ страхомъ
Отъ зеленѣющихъ холмовъ,
Гдѣ пепелъ вашъ хранится,
Какъ отъ карающихъ Боговъ,
Смятенный, отстранится!
Они народамъ будутъ вѣсть,
Сколь шатки зданья Силы —
Вы проповѣдовать имъ: *честь!*
Оставили могилы!

Здѣсь все въ воспоминанье вамъ:
Сей пиръ Кремля священный;
Сей гимнами гремящій храмъ;
Сей градъ, за честь созженный;
И сей народъ, толпа семей,
Ликующихъ въ покоѣ —
Все вы! все намъ отъ вашихъ дней
Наслѣдіе святое! . . .

Простри́жъ, Всевышній длань Твою
На бранныхъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ!

НАРОДЪ.

Простри, Всевышній, длань твою
На бранныхъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ Россіи вѣрныхъ чадъ,
Подпоръ могущихъ трону! . . .
О! какъ ихъ двигнулъ царскій взглядъ
Отчизнѣ въ оборону!
Летятъ! огню домы; поля!
Перунамъ грудь и длани!
И грозно Руская земля
Вспаетъ Гигантомъ брани!
Гремитъ ея призывный щитъ . . . .
И гнѣвомъ мести рдѣя,
Войной Иртышь и Донъ шумитъ,
Войной скалы Рифея!

Калмыкъ, Башкиръ, Черкессъ и Финнъ
Къ знаменамъ побѣжали,
И всѣ оградой изъ дружинъ

Кругомъ престола спали! . . .
Гдѣжъ врагъ? . . . о Руская земля!
Гошовъ твой пиръ священный!
И се! на высотѣ Кремля,
И селянинъ смиренный,
И вѣрный славный предковъ сынъ,
И олтаря служитель,
Къ тебѣ, ликуя, гласъ единъ
Возносятъ, Вседержитель!

Вы, чада бодрственныхъ сыновъ.
Потомки знаменитыхъ!
Близь ихъ изрубленныхъ щитовъ,
Близь ихъ кольчугъ разбитыхъ,
Свои кольчуги и щиты
Повѣсьте въ отчемъ домѣ;
На нихъ чудесныхъ дѣлъ черты,
Для чадъ, при бранномъ громѣ,
Мечемъ кровавымъ врѣзалъ врагъ!
Пускай на ихъ обломкахъ
Хранится повѣсть объ отцахъ
Великая въ потомкахъ!

Вамъ подвигъ новый предлежитъ;
Величіе въ покоѣ!
Да сладкій миръ не измѣнитъ

Васъ, неизмѣнныхъ въ боѣ!
Да вкругъ васъ тишина цвѣтетъ,
Устройство и свобода;
Да вамъ покорная даетъ
Сторичну дань природа!
Къ зерцалу — совѣсть и законъ!
Въ семействѣ — чисты нравы!
Безъ рабства вѣрность — передъ тронъ!
Предъ Бога — души правы!

Ты жь! чудо вѣрности, народъ!
Покорностью могущій,
Цвѣти! да заградится входъ
Въ твои смиренны кущи
Судьбы посланницамъ-бѣдамъ!
Да плугъ трудолюбивый
Даруетъ жизнь твоимъ полямъ!
Умѣреннымъ счастливый,
Чуждъ развратительныхъ суетъ,
Презрѣвъ роскошныхъ нѣгу,
Теки безпечно черезъ свѣтъ
Къ счастливѣйшему брегу!

А ты ихъ, Вышній, осѣни
Отеческой рукою!
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ Тобою!

НАРОДЪ.

Дѣпей, Всевышній, осѣни
Отеческой рукою!
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ Тобою!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ народовъ и Царей!....
Да знаетъ всякъ властитель,
Что онъ лишь мудрости Твоей
Безвластный совершитель!...
Вы, неподвижные въ пыли,
Невольники могилы,
Цари - смутители земли!
Цари - земли свѣтилы!
Призраки! вспаньте изъ гробовъ
На голосъ, къ вамъ зовущій!
Кто были вы? Друзья боговъ?
Иль боги всемогущи?

О нѣтъ! орудіе одно
Въ десницѣ Провидѣнья!...
Внимай! внимай! лешитъ Оно
Съ жезломъ міроправленья
Надъ темной бездною временъ,
И съ вѣчной колесницы
Судьбы державъ, судьбы племенъ

Бросаетъ изъ десницы!
Кто быстрый перемѣнитъ токъ?
Чья сила? чья упорность?
Летитъ!... а намъ Его урокъ:
„Умѣренность, покорность!“

О! совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари! въ одинъ отцевъ совѣтъ!
Будь, Сила, щитъ свободы!
Духъ Благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И, вся земля, совокупись
Въ единый градъ нетлѣнной!
Въ совѣтъ къ Царямъ, небесный Царь!
Символъ имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ олтарь!
Въ любовь, повиновенье!

Ушихни, ярый духъ войны!
Не жизни, изтребитель!
Будь жизни благъ и тишины —
И вѣчныхъ правъ хранитель!
Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,
И въ мракѣ жизни озарись,
Къ небесному дорога?

Будь, Вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
И ты, въ нерукотворный храмъ
Свѣти, Звѣзда востока!

ПѢВЕЦЪ и НАРОДЪ.

Свѣти, свѣти, Звѣзда небесъ!
Къ ней взоры! къ ней желанья!
Къ ней! Къ ней! за тайну сихъ завѣсъ,
Земныя упованья!
Тамъ все, что здѣсь плѣнило насъ
Явленіемъ мгновеннымъ,
Что взялъ у жизни смертный часъ,
Воскреснетъ обновленнымъ!
Рука съ рукой! вождю во слѣдъ!
Въ одну, друзья, дорогу!
И съ нами въ Ѣтскомъ хорѣ, Свѣтъ!
Пой: слава въ вышнихъ Богу!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.